

ПЕТР ГРЯДЕНСКИЙ

Моя жизнь
в Мокше

Пётр Гряденский

Моя жизнь в Мокше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70461418

SelfPub; 2024

Аннотация

Литературное творчество – это древняя магическая практика сотворения смысла, которая была дана человечеству свыше вместе с даром разума. Деятельность эта сродни целительству или шаманизму, где автор уподобляется медиуму. Через него в мир приходят литературные образы – обладающие собственной судьбой и жизненной силой сущности. В традиционных обществах сказочные предания передавались при посвящении и имели сакральное значение. Их носителями были старейшины, жрецы, повествователи. В наше время сказки не имеют такого влияния на сознание людей, но время от времени судьба направляет избранников по пути мифологического героя. Дорожной картой для них выступает культура, родная или заимствованная у других народов. Индия предстает перед нами как живой миф – тридевятое царство, куда герои отправляются в поисках трансформации. Для достижения этой цели нужно погрузиться в культуру, дойти до ее духовных истоков, совершить паломничество к ее сакральному центру.

Содержание

Эпизод 1. Мифы нашего времени	4
Эпизод 2. Мистическая Мордовия	16
Эпизод 3. Моя жизнь в Мокше	39
Эпизод 4. Три реки	60
Эпизод 5. Кама Даршан	84
Эпизод 6. Былины и пураны	112

Пётр Гряденский

Моя жизнь в Мокше

Эпизод 1. Мифы нашего времени

Бывает, жизнь забрасывает людей в необычные места и поневоле заставляет взглянуть на мир по-новому. Такая история приключилась со мной. На протяжении последних лет я занимался изучением индийской мифологии, обосновав-

шись в деревне Мокша, в верхнем течении реки Сура. Мои наблюдения представлены в виде дневниковых записей, посредством которых я бы хотел донести до вас приобретенный за это время опыт. Эти записи освещают контакт культур между ученым-исследователем в моем лице и маргинальной группой с размытой культурной идентичностью, поглощенной духовными идеалами Востока.

Не обладая особым художественным и литературным талантом, я попытался использовать знания, полученные за время обучения и работы на кафедре этнографии и антропологии, где подвизался в должности младшего научного сотрудника. Я отдаю себе отчет, что этих знаний недостаточно для описания уникального в своем роде культурного явления, и скудость литературного стиля всегда будет напоминать об этом. Однако в мои задачи не входило создание высокопарного худлита, моя специализация – изучение этнографического материала, и в деле письменного творчества мне предпочтительнее придерживаться наработанного жанра.

Начну с того, чтобы вкратце рассказать о своей науке. Антропологи и их коллеги этнографы занимаются изучением человеческих сообществ. Для этого они выезжают в полевые экспедиции, живут и работают в разных странах, исследуя обычаи и культуру их обитателей. Сфера исследований антропологической науки охватывает общности, объединенные по территориальным, этническим и конфессиональным признакам, а также профессиональные сообщества

и городские субкультуры. Антропология имеет дело с универсальными реалиями человеческой жизни и среди множества частных случаев находит общие закономерности. Она вскрывает глубинные архетипы человеческого поведения, культурные паттерны и мифы, среди которых мы живем.

В студенческие годы я увлекся чтением этнографических работ и проникся идеями о путешествиях по миру с целью наблюдения за жизнью людей различных рас и национальностей. Я видел свое призвание в том, чтобы входить в миры людей. По отзывам коллег, меня ценили на кафедре. В академической среде я выделялся живостью ума и тягой к перемене мест. Это сочетание личностных черт сделало меня настоящим охотником за приключениями, в которые я пускался со своим блокнотом для полевых записей. Каждое путешествие становилось темой для очередного доклада, служило пищей для научных дискуссий.

Наряду с этим, что-то неуловимо менялось в моей личности, а приобретенный опыт складывался для меня в замысловатую мозаику, в которой я пытался отыскать ответы на сугубо индивидуальные, волнующие меня вопросы. Ко времени создания дипломного проекта мои научные интересы окончательно оформились, и я с энтузиазмом принялся собирать материал из жизни религиозных общин. В мои задачи входило включенное наблюдение в среде людей, создавших свою общину под руководством того или иного религиозного учения.

По воле случая, мне удалось проникнуть в закрытую от внимания общественности секту, живущую по принципам индийской религиозной философии. Впоследствии именно она сыграла ключевую роль в моем понимании духовности и религиозного сознания. Примечательно то, что эта «секта» – понятие применимое к изучаемой мной общности лишь условно – возникла на русской земле и пустила корни в удаленной от больших городов мордовской деревне, о жизни которой мне предстоит вам поведать.

Моей научной работой руководил Лев Эдуардович Самохвалов – светило научной мысли, человек и этнограф с большой буквы, который забирался в самые глухие старообрядческие деревни на Енисее, зимовал среди оленеводов на Кольском полуострове, путешествовал по Средней Азии и изучал жизнь кочевых народов. Он стал моим наставником и другом, к которому я мысленно обращался в минуты размышлений и писал письма с пространством изложением своих идей. За время нашего общения этот человек дал мне несколько ценных советов, которые оказались незаменимы в деле научного познания.

– Помните, коллега, – говорил он мне – всякий раз, приступая к включенному наблюдению в незнакомой среде, вы рискуете постепенно стать ее частью, если только не будете сохранять отвлеченную позицию наблюдателя. Сообщества, продолжительное время существовавшие изолировано на ограниченной территории, как правило, умышленно из-

бегают контактов с представителями иных культур. Долговременная культурная изоляция выстраивает четкие границы между «своими» и «чужими». Поэтому единственный способ обеспечить продуктивную коммуникацию внутри общества – стать одним из его участников.

Желая поделиться наблюдениями, сделанными во время первого посещения деревни, я высказал предположение, что ее жители создали себе вымышленную идентичность взамен реальной, формирующейся в процессе социализации. Это отразилось в коллективном мифотворчестве, которое предопределило каждому из них особую роль. Мифологическая идентичность выходит далеко за рамки привычных социальных ролей, приобретаемых людьми в повседневной жизни. Она как бы задает новую систему координат, новые векторы существования. А жизнь в закрытой общине с традиционным укладом позволяет интегрировать ее в мифологизированную картину мира.

– Все это похоже на правду, – отвечал мне Лев Эдуардович, – но избранный вами подход становится малоэффективным в ситуации включенного наблюдения. Зачастую приходится выбирать между ролью наблюдателя и непосредственного участника. Любую культуру нужно познавать изнутри, иначе как узнать о ее сокровенном? Выводы, сделанные на основе поверхностных наблюдений, могут затрагивать лишь внешние стороны культурной жизни, оставляя без внимания ее инобытие.

Если вы хотите по-настоящему вжиться в культуру этих людей, вам придется поверить в их мифы, сделать их частью собственного сознания, так что будьте готовы к такому развитию событий. Вам должно быть известно, что мифология является своего рода языком, она обеспечивает коммуникацию и понимание между людьми. Иначе говоря, мифология создает коммуникативное пространство, в котором формируется социальная общность.

Видите ли, в жизни современного человека мифы играют не меньшую роль, чем в жизни наших предков. Старые мифы оживают в новых формах, а новые стремятся проникнуть в сознание людей, чтобы пустить корни и молодые побеги на этой благодатной почве. И, прошу заметить, такое сравнение не случайно. Порой мне кажется, что мифы живые и не только они нужны людям для совместного существования, но и люди нужны им как среда для разрастания мифологического древа.

Антропологические исследования демонстрируют нам, что обыденное сознание людей мифологично, их картина мира строится на коллективных верованиях, имеющих лишь отдаленную связь с объективной реальностью. Людям комфортнее существовать в мифологизированном жизненном пространстве, чем в мире, подчиненном действию объективно-научных законов. Иррациональность является важной частью человеческой психики. Ни просвещение, ни образование, ни технический прогресс не смогли полностью ли-

шить его этой черты, хотя, казалось, все вело к этому.

В реальности человек не может быть чистым рационалистом, ему нужен миф, мифологический образ, который является наиболее архаичной и, очевидно, наиболее устойчивой формой сознания на нашей планете. Людям свойственно выбирать определенную мифологическую систему, которая поддерживает их картину мира, и сопротивляться внешним влияниям, способным нарушить ее целостность. Это объясняет необычайную устойчивость сектантских идей, какими бы абсурдными они не казались стороннему наблюдателю.

Пытаясь проникнуть в сущность коллективных верований, бытовавших в деревне, я видел, что для одних они так же естественны как воздух, однако для других оказывались чужеродной средой и вызывали в сознании стойкое отторжение. По-видимому, так обстоят дела со всеми формами человеческих мифологий, и попытка подменить одну на другую вызывает защитные психологические реакции. По прибытии в Мокшу мне не раз довелось испытать на себе это явление, но об этом позже.

По складу ума и образу жизни я был достаточно далек от восточных религиозных концепций. Тем не менее, научные интересы в моем уме преобладали над личными, и мне казалось непредосудительным открыть для себя эту новую неизведанную область знаний. Пополнив свою библиотеку первоисточниками и исследовательскими работами по индуизму, я занимался его изучением, постепенно проникаясь глу-

биной индийской религиозной мысли.

Индуизм – древнейшая религия на нашей планете, которая уходит корнями в ведическую цивилизацию. Его автохтонное название – «Санатана Дхарма», в переводе с санскрита означает «вечный путь» или «вечный закон». Первые письменные источники, заложившие основу индуистского учения – Веды, пользуются безусловным авторитетом среди адептов этой религии. Самые ранние из них появились на свет около пяти тысяч лет до нашей эры, но существует мнение, что знание, заключенное в них, существовало изначально, и было передано на Землю высшими силами.

Религия в Индии тесно связана с традиционной культурой ее обитателей и выступает основой их национального характера. Кодифицированная в письменных источниках, Санатана Дхарма прежде являлась прерогативой жречества и высших кастовых сословий, обладающих знанием ведического языка – санскрита. Свое распространение в народных массах она получила в форме мифологических образов и повествований, доступных для передачи в устной и изобразительной форме.

Поскольку миф является метаязыковой символической конструкцией, его содержание, как правило, трактуется не буквально, а иносказательно. Это предполагает знание символических кодов, без которого он остается просто волшебной сказкой, недоступной пониманию непосвященных. Однако отсутствие знаний не умаляет значение веры, а именно

она поддерживает существование религиозных мифов, сохраняя их от десакрализации.

Индия – одна из немногих стран современного мира, где культурные традиции были пронесены через века и сохранились в неизменном виде. Менялись технологии, политические режимы, законы, но на культуру это не оказывало существенного влияния. Основой культурной жизни в этой стране, как и прежде, является общение на языке религиозной мифологии.

Мифы индуизма оказались настолько жизнестойчивы и привлекательны для сознания людей, что получили распространение на Западе, где религия и мифология давно были вытеснены прогрессом науки и техники. Следы ведической культуры более не считаются редкой находкой для западных этнографов – в современном мире они встречаются практически повсеместно.

Хорошо прижились индийские мифы и на русской почве. Все чаще попадаются на глаза Кришна с Радхой, исполняющие свой вечный танец на вывесках кафе и магазинов. То и дело появляются в поле зрения Шива и Ганеша, покоряющие сердца российской молодежи, и постепенно занимающие место голливудских героев на плакатах и модной одежде. Священные символы «ом» и «свастика» находятся порой в самых неожиданных местах, рисуются от руки на стенах и заборах в лучших индийских традициях, соседствуя с исконно русским «сакральным словом» из трех букв.

Почему же эти символы оказались близкими по духу русским людям, чей культурный опыт формировался совсем в иных исторических условиях? Есть основания полагать, что исходной причиной в этом вопросе является общность мифопоэтической модели мира. Многие поколения русских людей воспитывались в традиции народных сказок, которые имеют определенную структуру. Считается, что эта структура появилась еще в дописьменную эпоху, когда устные предания передавались во время обрядов инициации. Как правило, в каждой сказке присутствуют повторяющиеся паттерны, моделирующие троичную картину мира. Троичность русских сказок эхом отзывается в славянском языческом Триглаве, в христианской Троице и в индуистском Тримурти. То есть, образы мифов могут заметно различаться, но канва сохраняется общая. На эту канву и накладываются новые мифы, пришедшие на смену забытым старым.

Наряду с мифологической, существует очевидная лингвистическая общность между русским и индийским языком. Не раз отмечалось, что русский обладает рядом преимуществ при переводе ведических текстов по сравнению с другими европейскими языками. Этому факту дается одно общепринятое объяснение. Санскрит считается прародителем различных языков индоевропейской группы – пракрытов. Наиболее близкими к нему по степени родства, не считая других индийских диалектов, оказываются восточноевропейские языки, в частности русский. Каким образом это

родство сформировалось исторически – вопрос открытый, вернемся к нему позже. Для нас, в данном случае, актуальна духовная близость русской культуры к культуре ведической, возможность черпать из нее богатства духовного наследия.

Изучение санскрита в свое время положило начало новой научной области – «сравнительной мифологии», благодаря которой появилась теория о едином суперэтнотипе – «индоевропейской цивилизации». Как оказалось, мифы разных индоевропейских народов демонстрируют удивительное сходство – везде присутствует мифологема мирового древа, культ героев и лошадей, образ единого прародителя человеческого рода. Наряду с «индоевропейцами» для наименования этой общности был введен в оборот другой термин, заимствованный из индийского эпоса – «арийцы» или «арии». В Ведах он используется для обозначения «благородных людей» и характеризует носителей ведического мировоззрения, заселивших Индийский субконтинент в период индоарийских миграций.

Как мы видим, предпосылок для культурной интеграции существует достаточно и, возможно, именно она способна заполнить вакуум, возникший в результате потери наших национальных традиций. Стоит ли объяснять, что утрата культуры влечет за собой деградацию и вырождение коллективной души, болезнь и гибель общественного организма. С точки зрения антропологии, культура – это цельное и живое образование, существующее подобно органическим си-

стемам и, подобно им, нуждающееся в удовлетворении базовых потребностей, создающих условия для ее жизнедеятельности. Поэтому, для выживания человеческому обществу нужна жизнеспособная, конструктивная культура, которая будет способствовать его гармоничному развитию.

Наблюдая распад собственной национальной культуры, я самозабвенно копался в историческом прошлом, утверждаясь в мысли, что где-то глубоко под культурными слоями находится единая протокультура, следы которой свидетельствуют о глобальном значении этого явления. И вот, наконец, мои поиски увенчались удачей: я нашел ее очаг на просторах нашей необъятной страны. Жители этой ожившей утопии занимаются возрождением ведических традиций, дошедших до наших дней со времени расселения ариев на территории Древней Бхараты. Это культурное наследие, экспортированное из Индии, хранит в себе духовный опыт древних цивилизаций и представляется мне замечательной находкой для антропологической науки.

Эпизод 2. Мистическая Мордовия

Во время первой экспедиции в Мордовию, у меня появился интерес к местной топонимике – названиям населенных и географических пунктов. Впоследствии он стал ключом к решению тех задач, которые будоражили мой ум. Как известно, население Мордовии составляют преимущественно две коренные народности – Мокша и Эрзя. Об их этногенезе до сих пор ведутся оживленные дискуссии, но в соответствии с

общепринятой версией, обе они принадлежат к финно-угорской языковой семье. Сами народности расходятся во мнении об общем мордовском происхождении. Мокша говорят, что они не мордва, а мордва – это Эрзя, а Эрзя считают, что мордва – это Мокша. Как бы там ни было, но исторически Мокша и Эрзя длительное время сосуществовали на общей территории, и со стороны в их культуре и образе жизни видится больше сходств, чем различий.

Мордовская культура отличается своей самобытностью и ярким национальным колоритом. Она объединяет в себе традиции декоративно-прикладного искусства и народные обряды, связанные с традиционными занятиями сельских жителей. В обрядовой практике мордвы до сих пор встречаются пережитки языческого культа предков, хотя в результате христианизации и смешения со славянским и татарским населением она приобрела достаточно эклектичные формы. Мордовский язык также достаточно разнороден – он состоит из мокшанского и эрзянского диалектов, в которых прослеживаются заимствования из других языков, относящихся к разным историческим эпохам. Самыми древними считаются слова индоиранского происхождения, значительное место занимают заимствования из тюркских языков, многие слова перешли в мордовские диалекты из русского языка. В связи с вышесказанным, некоторые мордовские этнонимы представляют сложность для истолкования.

Существуют разные гипотезы о происхождении этнони-

ма «Мокша». Бытует мнение, что «Мокша» этимологически связана с ранними названиями города Москва, а еще более вероятно – реки, на которой он образовался. Окончание «ва» в имени столицы часто встречается в названиях рек Поволжского региона. В языках финно-угорских народностей, населяющих эти территории, слово «ва» является общим для обозначения «реки», «воды» и «влаги». Примечательно, что река Москва переходит в рязанской области в реку Мокша, на которой стоит город Мокшан. По другой версии название «Мокша» пришло к нам из Индии, где этим словом обозначают «духовное освобождение». В переводе с древнеиндийского санскрита «мокша» буквально означает «проливание» или «утекание».

Увлечение этнотопонимикой привлекло мое внимание к необычайной распространенности санскритских топонимов на карте нашей родины. Оказалось, что в академическом сообществе уже сложился своеобразный «индофильский кружок», собирающий факты об индийских корнях российской географии. Еще более богатый материал в этой связи дает гидронимика, изучающая названия рек и водоемов. Гидронимы – наиболее стойкие среди других географических названий, поскольку не подлежат переименованию и ведут свое происхождение из глубины веков. Как выяснилось, и это уже не новость для этнографов, некоторые географические районы у нас в стране именами рек напоминают речные акватории Индостана.

На карте Центральной России разбросано множество рек и озер, носящих индийские имена. Путешествуя по Поволжью в фольклорных экспедициях, я постоянно встречал санскритские гидронимы: Кама, Сура, Мокша, Арья, Сита, Тара, Нара, Равана и т.п. Сама Мокша имеет несколько притоков, основные среди которых – Вад, Сатис и Атмис – имеют очевидную аналогию с санскритом. Еще более удивительно, что имена русских рек можно обнаружить на страницах древнеиндийского эпоса Махабхарата, где они именуются «священными криницами». Земля, где разворачиваются главные события эпоса – территория северно-индийского штата Уттар Прадеш – является местом слияния двух священных рек – Ганги и Ямуны. От них исходит множество водных артерий, среди которых узнаются гидронимы притоков Волги – священной реки земли русской.

Как объяснить такие феноменальные совпадения и о чем они говорят нам? Первое, на что следует обратить внимание – это связь географических названий с этногенезом народонаселения данной области. Для того чтобы топонимы сохранялись и передавались из поколения в поколение, необходима культурная преемственность, ретрансляция языка и культуры их носителей. Очевидно, что широкое распространение санскритской топонимики в различных регионах России свидетельствует о ее принадлежности к общей культуре, имеющей в своей основе язык, на котором были написаны индийские Веды. Мы не располагаем точными сведениями

ями об этногенезе носителей этой культуры, известных как «арии», но есть мнение, что во время описываемых Махабхаратой событий, народов, говоривших на индоевропейских языках, на полуострове Индостан еще не было.

Существует множество гипотез об истоках ведической цивилизации, многие из них подтверждают теорию миграции индоарийских племен из Восточной Европы, хотя ни одна из них не может однозначно объяснить феномен вышеупомянутого географического переноса. Где бы ни находилась прародина индоевропейцев, исторически доказанным считается факт переселения ариев с территории Ирана, где формировалась общая индоиранская культура. Этот факт обосновывается как сходством санскрита с древнеперсидскими диалектами, так и близостью общекультурных представлений, изложенных в индийской Ригведе и иранской Авесте. Наряду с этим прослеживается близкое родство индоиранских языков со славянскими, а также наличие у них языковых заимствований из неиндоевропейских финно-угорских языков.

Как известно, арии ушли из Ирана в Северную Индию в бронзовом веке – во 2-м тысячелетии до н.э. Значит, их контакты с финно-угорскими племенами должны восходить к эпохе, предшествующей индоиранской общности. О наличии этих контактов говорят сами названия финно-угорских народов, прежде всего – мордвы, удмуртов и коми, которые зовут себя «коми-морт». Также как и «мард» на фарси и

таджикском языке, это слово происходит от индоиранского обозначения человека, мужчины. А если копнуть глубже, то выясняется, что все варианты слова «мард», включая древнеперсидское – «*martiya*» и авестийское «*martiyam*», восходят к санскриту, где в ряду синонимов понятия «человек» встречается слово «*mart*».

Итак, круг замкнулся. У нас нет достоверных данных об историческом происхождении санскрита, хотя принято считать этот язык основой индийских и индоевропейских языков. Не исключено, что он зародился на территории Южного Урала и Прикамья, где в 4-3 тысячелетиях до н.э. формировались древние финно-угорские племена. Также не до конца ясна в этой истории роль славянских народов. Присутствие славян на исконной территории проживания финно-угров – тема дискуссионная. Когда и откуда они появились на равнинах Центральной России – доподлинно неизвестно. В ряду исторических гипотез остается их принадлежность к кочевым племенам, мигрировавшим во 2м тыс. до н.э. в Азию из Восточной Европы.

Возможно, все это напоминает мистификацию, но надо признать, что сама тема глубоко пронизана мистицизмом. Среди финно-угорских народов, населяющих территорию Мордовии и соседние с ней республики, по сей день бытуют анимистические верования и магическая обрядность. Возможно, благодаря жизненности мифологического сознания, им удалось сохранить архаические пласты культуры, уходя-

щие в отдаленные времена ведической цивилизации. А финно-угорская языковая семья стала связующим звеном между языком этой цивилизации и переселившихся на эту землю впоследствии восточных славян. Сакральная география Мордовии словно указывает на незримую связь санскритских топонимов с мифологией ведических ариев, населявших в древности российские просторы.

В описании криниц Махабхараты говорится о стране Мартьев, входящей в число семи арийских стран, граничащих со священной Курукшетрой. Эта святая земля считается колыбелью ведической культуры и часто упоминается в текстах индуистских писаний. В Махабхарате сказано, что живые существа, совершившие омовение в ее источниках, избавляются от всех своих грехов. Однако, что нам известно о народе под именем Мартьи, кроме того, что оно, вероятно, имеет единый корень с санскритским «mart». Можно предположить, что от этого же корня происходит название Мордвы, а упомянутое географическое расположение указывает на место ее обитания. Кому-то это может показаться домыслами, но не будем спешить с выводами. Ведические мифы окружены мистическим ореолом, и никто достоверно не знает, что кроется за ними.

Попробую в общих чертах описать семантику названий рек мордовского региона. Этимологическая близость реки Сура с мифической Сурой Махабхараты – опьяняющего напитка, возникшего во время пахтания мирового океана, ви-

дится наиболее показательным. Корень «сур» в значении «светлый» является общим для индийской и славянской мифологии. В Индии «сурами», в противоположность «асурам», назывались светлые силы, ведущие свое происхождение от солнечного божества – Сурьи. У славян имя Сурья было известно, как одно из имен бога Солнца и одновременно с этим обозначало настоящий на хмелю медовый напиток – медовуху. Знаменательно, что семантически, как, впрочем, и географически близкой к Суре, оказывается впадающая в нее река Пьяна. Образы рисуются прямо-таки волшебные – вспомните «молочные реки с кисельными берегами» из русских сказок.

На пограничной с Мордовией территории протекает еще одна река с говорящим названием – Кама – крупнейший приток Волги. Данный гидроним встречается во многих индоиранских и финно-угорских языках, поэтому нет единого мнения о его происхождении. На санскрите «кама» буквально означает «желание», от него происходит имя индуистского божества и небезызвестного литературного произведения Кама-сутра. Любопытно, что, по мнению некоторых историков, река Волга прежде носила индоиранское имя, под которым её знала священная книга зороастрийцев Авеста. Это имя «Ранха» или в индийской транскрипции «Ранга», что в переводе с санскрита означает «цвет». От этого слова произошло название индийского руководства по любовному искусству «Ананга Ранга» и имя вишнуитского божества Ран-

ганатхи. В мордовских языках Волга известна как «Рава», что означает просто «река».

Места слияния рек обладают особой энергетикой, поскольку в них происходит своеобразное совокупление водных источников. В Индии такие места носят название «п्राг» и специально выбираются для проведения религиозных фестивалей. По индуистским преданиям, в эти дни водоемы наполняются премой – энергией божественной любви. Следуя за их течением, потоки паломников ежегодно пересекают территорию страны для омовения в священных водах. Благодаря необычайности жизненности религиозных мифов в сознании людей, географическое пространство буквально превращается в мифологическое. Путешествуя по святым местам, можно сделаться знатоком индийской мифологии, ибо каждое из этих мест отмечено присутствием тех или иных мифологических персонажей.

Изучая сакральную географию своего отечества, я проникался верой в индуизм, как если бы находился на его исторической родине. Гидронимы рек выстраивались для меня в единый смысловой ряд, образуя некий текст, местами напоминающий тексты священных писаний. Зачитаю его вкратце: Атмис – от корня «атм», «атман», на санскрите обозначает душу; Арья – в переводе с санскрита – благородный; Сита – светлый; Сатис – от корня «сат» – существование или «сатьям» – суть, истина; Вад на санскрите значит водить и, наконец, река Алатырь, название которой буквально означа-

ет алтарь. В заключение к этому тексту, карта открыла мне две небольшие реки с именами ведических мудрецов, один из которых является автором Евангелия, а другой Махабхараты и Веданта-пураны – Исса и Вьясса.

Мистическая Мордовия, чьи реки носят имена индийских божеств, не оставляла мои мысли. Я путешествовал вниманием по карте ее земли и представлял себе древние святилища, скрытые чащей лесов, индуистские символы, выгравированные в каменных плитах жертвенников. В уме возникали различные версии о происхождении этой иерофании, и я находил все больше доводов в пользу того, что некогда здесь обитали народы, имеющие непосредственную связь с древнеиндийской ведической цивилизацией. Не исключено, что во всех этих случаях имели место языковые совпадения, но почему тогда повсеместно на территории нашей страны, от Карелии до Урала, встречаются географические названия с санскритскими корнями?

К сожалению, вопросов пока было больше, чем ответов. В их поисках я занимался разбором собранных полевых материалов. В моем распоряжении имелись разрозненные топонимические наблюдения и фотографические снимки с изображениями солярной символики, которыми я собирался иллюстрировать свой доклад на конференции. Преимущественно они представляли собой различные формы свастикаческого орнамента, широко распространенного в народном промысле мордовского региона. В моей коллекции присут-

ствовавали образцы свастик, обнаруженные в интерьерах жилищ и на домашней утвари, в вышивках на одежде и коврах, на различных оберегах и иконах.

Во время посещения старинных сельских храмов, давно забытых богом или небрежно отреставрированных и превращенных в дома культуры, мой взгляд то и дело касался закрученных в разные стороны свастических крестов. Проходя по деревням, я то и дело встречал эти знаки в росписи изб и колодцев, на ярморочных сувенирах и домотканых нарядах деревенских жителей. Вернувшись в стены института, я, по мере возможности, пополнял свои наблюдения существующими этнографическими исследованиями свастики. Меня интересовала история и география распространения этого символа, и постепенно она расширилась далеко за пределы Центральной России.

Дни напролет я проводил в библиотеках, пытаюсь отыскать источники о его символическом значении в культурах народов мира. Задача осложнялась тем, что в советское время свастика находилась под запретом и любые упоминания о ней подвергались строгой цензуре. Тем не менее, мне хватило настойчивости, и вскоре, один за другим, стали всплывать на поверхность удивительные факты, местами относившиеся к области археологии. Во всех без исключения традиционных культурах присутствует в той или иной форме солярная символика. Этот универсальный язык зародился в эпоху верхнего палеолита, когда возникли первые соляр-

ные культуры, оставившие после себя символические изображения солнца. Солярный орнамент – это символический код, на котором наши предки передавали сакральные знания об устройстве мира.

По мере становления архаической солярной иконографии, солнечные знаки приобретали четкие геометрические формы, оформлялись в сюжетные композиции. Тогда, на заре человеческой цивилизации, в отдаленных уголках планеты появился на свет свастический орнамент, распространившийся в разнообразных формах по мировым континентам. Древнейшая из найденных свастик происходит из ромбо-мандрового орнамента, принадлежавшего к палеолитической костенковской культуре. В более поздних культурных слоях, датируемых 5-2 тысячелетием до нашей эры, свастический орнамент был обнаружен на территории современного Ирака, Индии, Китае и в окрестностях Аркаима на Урале. В Восточной Европе, Западной Сибири, Средней Азии и на Кавказе свастика встречается со 2 тысячелетия до нашей эры.

Ареал распространения символа поистине поражает воображение. Египет, Иран, Индия, Китай, Корея, Россия, Украина, Армения, Грузия, Скандинавия и Центральная Америка – вот неполный список географических пунктов его происхождения. В настоящее время он известен, главным образом, в Индии и Юго-Восточной Азии. Многие не без основания считают, что свое путешествие по миру свастика начала именно в Индии, да и само ее название име-

ет ярко выраженные санскритские корни. Слово «свастика» состоит из двух санскритских корневых основ – су, «добро, благо» и асти, «жизнь, существование». «Суасти» или «свасти» – традиционная индийская форма благопожелания. Вместе со свастичной символикой она перешла в страны Юго-Восточной Азии, где этим словом люди приветствуют друг друга при встрече, желают друг другу удачи и счастья.

Если мы обратимся к русским переводам этого слова, то увидим, что в одном из своих значений оно полностью сохранило санскритский корень, в отличие от тайского «саватди» или лаосского «сабайди», где этот корень был видоизменен. Это значение заключено в русском слове «счастье», в котором глагол «ести» – «существовать» – представлен в архаичной форме «асти», так же как в санскрите. Наряду с этим в санскрите имеется целый ряд слов с корнем «сва», который переводится на русский язык как «свой». Все они, так или иначе, обладают сходством с русскими словами: сваджана – родня, сватва – свойство, свакар – свекор, свара – крик.

В поволжских деревнях, где свастичные знаки были известны людям задолго до Великой Отечественной войны, старики говорили, что свастика – слово русское, поскольку состоит оно из тех же букв, что и русская речь. В пример приводились такие слова как «свах» или «своак», а про «асти» говорилось, что это толи от «ести» как «есть», толи от «исти» как «истина». Окончание слова – частица «ка» – нашло объяснение в русской грамматике как уменьшительно-лас-

кательное, к примеру: река – речка, печь – печка. В отечественной орнаменталистике насчитывается более ста видов различных свастик, многие из которых впервые были обнаружены в средней полосе России.

Свастика в России традиционно считалась как культурно-бытовым, так и религиозным символом. Некоторые образцы свастического орнамента украшали сакрально отмеченные вещи, имеющие ритуальное назначение. В этом качестве свастика вошла в христианскую иконографию, дополнив символ распятия, стала элементом в росписи храмов и облачении священнослужителей. Изображение свастики встречается в различных видах традиционных ремесел, но основным источником этнографической информации о нем была и остается вышивка – искусство ручного ткачества. Обилие и разнообразие свастичных мотивов в русской народной вышивке поражает воображение исследователей. В каждой отдельно взятой волости, а зачастую и отдельно взятой деревне, встречается свой уникальный набор вышиваемых на ткани узоров.

Сравнительные исследования выявляют ряд любопытных параллелей в ткаческом искусстве России и Индии. Индия славится своими орнаментами, которые наносятся на ткань разными способами – вышивкой, рисунком, аппликацией. Среди них встречаются растительные, зооморфные, антропоморфные и абстрактные геометрические орнаменты, зачастую имеющие форму солярных знаков. Отдельные образцы

орнаментальных композиций полностью повторяют мотивы русской вышивки: это образы молящейся женщины с поднятыми руками, фигуры птиц и коней, типичные комбинации свастических и ромбических элементов. Повторы обнаруживаются и в более сложных композиционных схемах, также имеются близкие аналогии в технике вышивки и даже в ее названиях.

Можно допустить, что ткаческое мастерство было занесено в Россию из Индии вместе с текстилем и красками по Великому шелковому пути. Но некоторые факты говорят о том, что подобная связь могла возникнуть только вследствие тесного и длительного культурного обмена. Данные археологических экспедиций в мордовском регионе свидетельствуют, что символические изображения, бытовавшие в этом географическом пространстве, необычайно архаичны, и мы можем смело предположить, что они существовали задолго до становления местной культуры и образования культурных связей с соседними финно-угорскими народностями.

Эрзянский язык, который сами лингвисты из-за древнего происхождения называют «финно-угорским санскритом», сохранил ряд слов с санскритскими корнями, используемых для обозначения деталей мордовского национального костюма. Наравне с орнаментальными символами, они дошли до наших дней через века и могут служить визуальным отражением ведических традиций. Орнамент ткани воспринимался в этой традиции как сакральный текст, аналогичный тек-

стам ведических гимнов. Недаром слово «нить» на эрзянском языке звучит как «суре», что созвучно санскритскому «сутра», которое помимо первого значения также обозначает «религиозный текст». А загадочные рунические знаки, которые можно обнаружить на вышивке и домашней утвари эрзян, некогда в действительности служили для них письменностью.

Орнамент является символическим кодом, состоящим из иконических знаков, которые, в отличие от лингвистических, в меньшей степени условны и отличаются универсальным значением для разных культурных ареалов. Язык символов появился в глубокой древности и не изменялся с течением времени, несмотря на то, что менялись предметы материальной культуры и технологии их изготовления. Он передавался из поколения в поколение по традиции, которая пронесла через века пласты народной памяти. Образ мира, записанный в знаковой системе традиционного орнамента, имеет заметные сходства в различных культурах и выражает общезначимые антропологические универсалии. Для их обозначения используются простые геометрические фигуры – круг, треугольник, розетка, ромб, а также крест и производные от него свастические знаки. Остановимся подробнее на них.

Существует несколько распространенных крестообразных символов, фигурирующих на мордовской вышивке. Один из них даже можно увидеть на национальном фла-

ге республики. Особый интерес у меня вызвал мокшанский знак, представляющий собой обоюдостороннюю перевернутую свастику. В отличие от обычной свастики, заключающей в себе циклическое движение, мокшанская свастика выглядит статично, однако в ее форме присутствует вектор движения во всех направлениях – как вправо, так и влево, как вверх, так и вниз. Таким образом, она одновременно закручивается в разные стороны и замыкается сама в себе. Мне приходилось встречать подобный тип орнамента и прежде, но, из-за отсутствия исследовательского интереса, он не рождал в моем уме никаких ассоциаций. Теперь же я тщательно рассматривал его со всевозможных ракурсов и старался отыскать скрытые в нем смыслы.

Первое, что привлекло внимание при детальном рассмотрении – это зеркальные свойства мокшанской свастики. Кажется, что одна ее сторона отражает другую, и в этом смысле она является дуальным знаком, символизирующим единство противоположностей. Как известно, свастика бывает правосторонняя и, соответственно, в зависимости от направления, наделяется тем или иным значением. В традиционной культуре правосторонняя свастика означала восходящее солнце, ассоциирующееся с весной и возрождением жизни, тогда как левосторонняя – заходящее, осеннее солнце, связанное с убыванием света. Иными словами, первая в общем смысле символизировала жизнь, а вторая – смерть. Это означает, что в мокшанской свастике мы можем видеть

взаимное пересечение жизни и смерти, их антагонизм или взаимодействие.

Второе наблюдение возникло следом за первым и стало для него подходящим дополнением. При повороте на 90 градусов знак принял форму «роженицы» – ромбовидного символа, хорошо известного знатокам русского орнамента. Ромб, как символ женского начала, встречается в разных культурах и ведет происхождение из аграрных культов Великой Матери. Если замкнуть контуры этого знака, мы получим другой традиционный символ плодородия – «вспаханное поле». Таким образом, из сочетаний ромбовидного орнамента один за другим возникли три концепта – жизнь, смерть и рождение.

Перебирая их в уме как четки, я прохаживался по кабинету в глубокой задумчивости, чувствуя, что истина где-то рядом. На самом деле она была даже ближе, чем я подозревал, но потребовалось определенное время, чтобы интуиция оформилась в логическую последовательность. Спустя несколько дней, задержавшись в актовом зале после конференции, я заметил газету, оставленную на столе кем-то из приглашенных немецких коллег. На первой полосе газеты крупным шрифтом были напечатаны латинские буквы *Der Mord*. Не успев ознакомиться с содержанием статьи, я направился напрямиком в библиотеку, где, обложившись словарями, провел остаток рабочего дня.

Как удалось выяснить, корень «морд», в переводе с немец-

кого означающий «убийство», встречается в разных языках индоевропейского происхождения и этимологически связан с понятием «смерть». Этноним «мордва» не является исключением из данного правила, и этому находят подтверждения в западноевропейских исторических источниках, где данная народность упоминается под именем «морденс», что буквально означает «мертвецы». Слово «морден» существует также в иранском языке фарси в значении «мертвец», «умирать». В санскрите мы встречаем несколько видоизмененное «мрита», фонетически приближенное к русскому «мертв». Выводы напрашивались сами собой.

Поскольку, согласно индуистским поверьям, обычные смертные могут достигнуть Мокши только путем перехода в мир иной, фактически Мокша понимается как освобождение души от тела. Мордовия – страна мертвых, служит метафорическим маршрутом для этого перехода. Выражаясь языком индийских писаний, эта местность благоприятна для нового рождения, и его топонимика словно указывает нам на это. Здесь, как в священном Бенаресе, где люди ищут освобождения на кострах для ритуальной кремации, каждому ищущему предстоит перешагнуть порог смерти. Однако эта смерть не является биологической, она символическая, и служит мостом для перехода в новую форму существования.

Метафора второго рождения сопутствует посвятельным ритуалам в разных человеческих культурах. Зачастую посвятельный ритуал напоминает родовспоможе-

ние, поскольку символически проводит посвящаемого через смерть, эмбриональное состояние и роды. Подобные церемонии широко распространены в примитивных культурах и хорошо изучены антропологами. В целом, все они воспроизводят схему обрядов перехода, состоящую из трех стадий – отделение от привычной обыденной среды, промежуточное или лиминарное состояние, включение в сакральную среду. При этом фактически происходит смена социального статуса, поскольку такой переход предполагает разрушение связей с прошлым, забвение социальных ролей, приобретенных в повседневном мире. Промежуточный период характеризуется отсутствием статуса как такового, так как после потери старого и до обретения нового индивид исключается из жизни сообщества, то есть номинально считается мертвым.

Посвятительные ритуалы в Индии отличаются многообразием форм и используемых символических средств. В течение жизни жители этой страны могут совершать различные обряды перехода, отличающиеся в зависимости от касты и вероисповедания. Наиболее показательным в этом плане можно считать посвящение браминов – представителей жреческой касты, называемых «дважды рожденными» («двиджа»). Брамин принадлежит к своей касте по рождению, но для принятия жреческих функций ему необходимо пройти религиозную инициацию. Во время этого ритуала, известного как «дикша», происходит приобщение неофита к сакральному миру, и его принято считать отправным пунктом ду-

ховного пути. Но прежде, чем получить эту инициацию, брамин должен пройти лиминарный период послушничества, без которого он не будет иметь достаточной моральной подготовки для посвящения.

По определению, любые формы инициаций неразрывно связаны с аскетическими практиками и морально-психологическими испытаниями. Обращаясь к символике индуизма, иллюстрирующей посвятельные ритуалы, я встречал устрашающие образы демонических существ, расчленяющих человеческую плоть, гневных божеств в гирляндах из черепов, топчущих ногами посиневшие трупы. Символизм этих образов заключается в жертвоприношении личности во имя служения высшему началу. Обращение в веру само по себе возможно только как следствие перестройки сознания, поэтому религиозный опыт с необходимостью включает в себя психологический аспект.

В этом смысле второе рождение представляет собой внутреннюю трансформацию, во время которой человек переживает смерть верований, составляющих личность, а затем воскресает с обновленным сознанием, открытым для восприятия нового мировоззрения. Смерть и воскресение – центральная тема религиозных мифов всех времен и народов. Их перечисление могло бы утомить читателя, поэтому ограничимся небольшим набором общеизвестных мифологем. Таковых сполна хватает в русской народной традиции, к которой я успел приобщиться за время научно-исследователь-

ской деятельности.

Параллельно с изучением индийской мифологии я углублялся в чтение фольклорных работ и пополнял свою библиотеку собраниями русских народных сказок. Неожиданно мне удалось обнаружить много общего в этих, казалось бы, разнородных источниках. Подобно языкам, мифологии разных народов зачастую имеют общий фундамент и корнями уходят в религию, которая является первоисточником мифологических образов. В русских сказках к числу таких образов относятся Котел перерождения и Калинов мост через реку Смородину. В сказке о Коньке-горбунке Иван-дурак ныряет в котел с кипящим молоком и выходит из него омолодившимся. Тот же самый котел, который считается символом женского лона, в кельтских мифах именуется Котлом Аннуна – мира мертвых, откуда возвращаются только те, кто смог пережить духовное обновление.

Калинов мост также символизирует переход между мирами, этот архетип восходит к шаманским культам и относится к числу наиболее ярких образов первобытного мистицизма. Река Смородина, через которую переводит этот мост, заключает в своем имени сразу две индоевропейские корневые основы: «мор» – смерть, и «род» – рождение. В мифах народов мира мост, как символ перехода, связан с трудными испытаниями, во время которых высшие силы проверяют готовность мифологических героев к новому рождению. Преодолев порог смерти, герой входит в область потустороннего ми-

ра, где находит сокровище, ради которого отправился в свое путешествие. Это сокровище служит символом трансформации, через которую ему нужно пройти, и многочисленные образы русских сказок – жар-птица, молодильные яблоки, живая вода и одолень-трава – повторяют один и тот же сюжет, известный в самых ранних человеческих мифологиях.

Изучая фольклорные сюжеты, я невольно представлял себя на месте мифологического героя, которому предстоит познать тяготы посвячительных испытаний, украшая их в воображении картинами племенных инициаций с кровавыми жертвоприношениями. Наблюдая за игрой ума, я видел, как в моем сознании оживают мифологические архетипы, вселяющие в меня неведомую прежде отвагу. Все мои мысли были поглощены образом волшебной страны, которую открыла мне судьба. Склонившись над картой в рабочем кабинете, я чувствовал, как зовет и манит таинственная земля Мордовии и вновь воцарился с нею встречи как с любимой женщиной. Окидывая взглядом ее реки, я видел в воображении потоки молока, омывающие кисельные берега, вдоль которых стоят и блестят глазурью пряничные домики. Сказке предстояло воплотиться в жизнь: ученый совет утвердил тему моей диссертации, и я готовился отправиться в следующую экспедицию по этим заповедным местам.

Эпизод 3. Моя жизнь в Мокше

Путешествуя по Мордовии в поисках свастического орнамента в народном промысле, я обнаружил поселение в живописном месте на берегу реки Сура. Ожидая встретить там коренных жителей, с которыми мне уже не раз приходилось вступать в контакт в мордовских деревнях, я был немало удивлен, увидев там разношерстное сообщество, ведущее жизнь, оторванную от реалий окружающего мира. Жители

этого поселения занимались изучением древнеиндийского языка – санскрита, и совершали ритуалы поклонения индуистским божествам – пуджи.

Их одежды пестрели красками восточного базара, тела были украшены татуировками в форме индуистских символов, а головы увенчаны космами спутанных волос – традиционной прической индийских отшельников – садху. Я чувствовал себя капитаном Куком, впервые вступившим на неведомые земли и теряющимся в догадках о том, что можно ожидать от местных аборигенов – культурный обмен или охоту за головами. Однако уже тогда, во время первого посещения деревни, меня посетила мысль, что я напал на золотую жилу, которая станет моим вкладом в сокровищницу отечественной этнографии.

Деревня Мокша чем-то напомнила мне селения старовесов, в которых я бывал с этнографическими экспедициями. Те же избы с резными наличниками, те же люди в традиционных костюмах с разноцветной вышивкой. Только вглядевшись пристальней в узоры на одежде и резной орнамент домов, я смог различить детали, непривычные для моего искушенного взгляда. Рядом со знакомыми образами русско-го фольклора виднелись диковинные изображения индуистских символов и фигуры многоликих индийских божеств. То и дело бросались в глаза непонятные хитросплетения слов, написанных на древнем как мир языке – санскрите.

Непроизвольно фиксируя внимание на необычном внеш-

нем виде окружающих меня людей, я пытался обнаружить связи между субкультурными и культовыми признаками, объединяющими их. От внешнего я двигался к внутреннему, стараясь раскрыть значение символов, используемых жителями деревни. Религиозные символы могут встречаться в любой субкультурной среде, независимо от включенности ее представителей в какую-либо духовную практику, но значит ли это, что они передают свое подлинное содержание? Осознают ли их носители сакральное значение и глубинную связь этих символов с доктринами религиозных учений?

Порой мне казалось, что это лишь образцы для подражания, которые, подобно веяниям моды, распространяются от индивида к индивиду, создавая между ними видимую общность. Можно было пойти дальше и наблюдать, как эта общность реализуется в коллективном самосознании, то есть осмыслении людьми тех признаков, которые их объединяют. Но можно было двигаться и в обратном направлении, допуская, что люди намеренно используют ту или иную символику, чтобы облечь в форму свой внутренний опыт, почерпнутый из религиозной жизни. Такой ход мысли существенно расширял рамки познания, наделяя религиозным смыслом взаимоотношения мокшан. Вернувшись в деревню после научной работы в институте, я тщательно фиксировал все местные обычаи, имеющие отношение к религиозным практикам.

Многое в поведении окружающих людей казалось мне

причудливым и странным. При встрече они по-старообрядчески приветствуют друг друга «ом намо» и отвечивают земной поклон, или просто произносят «намасте», сложив ладони в ритуальном жесте, что означает «я приветствую бога в тебе». Обиходные выражения на санскрите хорошо скрашивают русскую речь, звучащую здесь с особым мелодизмом. Похожие на экзотических птиц, вылетают из уст крылатые выражения «рам, рам», «хари ом» и «хара хара махадев». Местами они звучат церемониально как ворожба, местами напоминают русские пословицы и поговорки, а иногда безо всякого смысла повторяются как песенный напев и это тоже, в свою очередь, имеет определенный смысл, поскольку само звучание сакральных фраз гармонизирует пространство.

Перед каждым приемом пищи они освящают ее мантрами и восклицают «джей прасад», желая своим божествам приятного аппетита. Во время разжигания костров или топки печей часто можно слышать фразу «ом агни», с которой обращаются к духу огня, проводя ладонью над пламенем. Омования в водоемах сопровождаются целым рядом ритуальных действий, смысл которых не до конца понятен, но, по-видимому, имеет отношение к индийскому культу Ганги, чье имя повторяется в обращении к любому водному источнику. Некоторые держат у себя скот и с особым почтением относятся к коровам, обращаясь с ними как со священными животными. Такое отношение распространяется на все про-

дукты их жизнедеятельности, начиная с молока и заканчивая навозом. Особыми свойствами наделяется даже коровья моча и считается удачей попасть рукой под струю испражнений, выражая благодарность со словами «ом лакшми».

Большое значение здесь придается здоровому образу жизни и правильно подобранному рациону питания. По этому поводу мокшане неизменно обращаются к Аюрведе, содержащей целый пласт знаний на тему «искусства жизни». Аюрведическое питание регламентируется запретом на употребление животной пищи и имеет не только религиозно-этическое, но и утилитарное значение, способствуя развитию натурального хозяйства. Помимо этого, сама по себе жизнь на природе, регулярный физический труд и занятия йогой хорошо укрепляют физическое и душевное здоровье. Йога и Аюрведа используют разные подходы, но имеют общую основу, так как являются мокша-шастрами, то есть учениями об освобождении.

Благодаря своей практической мудрости, как в духовном, так и в материальном отношении, ведическая культура замечательно подходит для совместной организации жизни общины. Знания, изложенные в ведических текстах, полнятся народным опытом и определяют благоприятное время для жертвоприношений, посадки сельскохозяйственных культур, образования семей, зачатия детей и т.д. В поисках советов и рекомендаций люди нередко прибегают к помощи ведической астрологии. Как ученому, мне было сложно при-

нять некоторые аспекты этой архаичной системы, но вскоре здравый смысл возобладал над скепсисом. С позиции антропологического релятивизма важна не истинность знания, а его практическая роль в жизни людей.

Семейные ценности имеют для мокшан первостепенное значение. Тем не менее, в согласии с правилами Варнаш-рама-дхармы, изложенной в Ведах, выполнив свои обязанности перед семьей, мужчина может покинуть ее, приняв саньясу и удалившись в одиночные странствия. О воспитании детей хочется сказать особо. С благоговением я взирал на подрастающее поколение деревенской общины: мудрость Вед они впитывают с молоком матери, а силой для роста их щедро одаривает природа. Освобожденные досрочно от школьной образовательной системы, юные мокшане приобретают знания об окружающем мире, посещая занятия в местной гурукуле. Там же они имеют возможность получить все необходимые жизненные навыки и, после этого, посвятить себя духовной практике в ашраме, приняв обет брахмачарья.

В отношениях с окружающим миром мокшане достаточно консервативны. Россия в их разговорах предстает неким форпостом на пути в нижние миры, где доминирует страх и неутоленные желания. Вопреки этому, сама русская земля считается колыбелью ведической цивилизации, а деревня Мокша ее Меккой или, вернее, ее Бенаресом, где люди получают шанс избавиться от кармы прошлых воплощений и до-

стичь духовного освобождения. Если верить преданию, тот, кто совершает сюда паломничество, получает благословение бога Шивы. Недалеко от деревни находится священный водоем, на берегу которого установлен лингам – сакральный шиваитский объект. Каждый, кто совершает здесь омовение в канун праздника Шиваратри, получает избавление от всех душевных болезней.

Говорят, что деревня Мокша расположена в аномальной зоне и приборы регистрируют здесь повышенный геомагнитный фон. Вне всякого сомнения, это место аномально. В нем мифология так тесно переплелась с реальной жизнью, что люди перестали удивляться чудесам, считая их частью естественного хода событий. Здесь стираются грани между физической реальностью с ее географическими контурами и реальностью мифа, архетипического и полилокального. Все здесь располагает к тому, чтобы почувствовать свободу от условий пространства и времени, а санскритская топонимика служит подходящим фоном для того, чтобы перенестись сознанием в священные земли Курукшетры и увидеть в притоке Волги серебристый песок, омываемый водой Ганги, а в пряном аромате разнотравья услышать благовонный запах Индии – древней Бхараты.

Это место как магнит притягивает ищущие души, и каждый, кто совершает паломничество сюда, не может устоять перед очарованием его атмосферы. Есть среди них такие, кто однажды прибыл в Мокшу, и навсегда остался в ней. Есть

такие, кто уезжает, но возвращается вновь. А есть и такие, кто побывал здесь лишь раз, но навсегда сохранил этот мир в своем сердце, оставив на память частицу местной культуры – тряпицы, украшенные замысловатым орнаментом, статуэтки божеств и иконографические изображения, амулеты, украшения, целительные снадобья и прочее. Все это помогает людям поддерживать связь с мистической традицией, в которую им довелось окунуться, и, даже вернувшись в обыденный мир, они легко узнают друг друга по внешним отличительным знакам и незабываемому чувству внутренней свободы.

Все, кто ступает на эту священную землю, освобождаются от чувства страха. Они снимают его с себя как обувь при входе в храм, потому что там, откуда они пришли, все пропитано этим чувством, и оно как пыль остается на их следах. Людям Мокши не знакомо чувство отделенности и, в силу этого, они не проявляют агрессии, зависти и корысти. Их образ мысли в корне отличается от мышления обычных людей, для него свойственно полное принятие всего происходящего. В связи с вышесказанным, в общении и межличностных отношениях этих людей отсутствуют хорошо знакомые нам моменты неловкости и умственного замешательства, особенно явно проступающие в больших городах, где языковая общность не является гарантией взаимного понимания. Среди жителей поселения никогда не возникает трудностей в коммуникации, контакт между ними устанавливается интуитив-

но и не требует дополнительных кодов для устранения дистанции.

С первых дней моего появления в Мокше я словно находился в заколдованном круге. Между мной и людьми лежала невидимая черта, и мои попытки вступить в диалог обращивались различными казусами, тем самым оставляя в сомнениях относительно адекватности такого общения. В действительности, тот канцелярский язык, который я привык использовать в письме и повседневной речи, оказался совершенно непригодным в настоящих условиях. Впервые за свою академическую карьеру я усомнился в пользе научного мышления. Природные качества своего ума – воображение, фантазию, остроумие, я принес на жертвенный алтарь науки, методично заполняя его логическими понятиями. Теперь мне пришлось отбросить интеллектуальные костыли, поддерживающие мнимое равновесие, и я был вынужден заново учиться ходить, словно ребенок, впервые вставший на ноги.

Сложно было признаться себе в этом, но, похоже, я не был готов к тому радушному приему, который ожидал меня в деревне. С самого начала я хорошо вооружился приобретенными знаниями и опытом для постепенного налаживания контактов, выстраивания отношений, а в реальности столкнулся с совершенно обезоруживающей открытостью и очевидной невозможностью сохранения требующейся для работы дистанции. Конечно, такое радушие не могло быть всецело

полным, и по моим расчетам должно было иссякнуть после совершения ритуалов гостеприимства, но почему-то поведение этих людей не укладывалось в известные мне схемы. Казалось, они буквально переполнены этим радушием, сочетающим в себе доброту, благожелательность, доверчивость, и готовы делиться этим с другими безвозмездно.

Вокруг себя я видел счастливых и умиротворенных людей, на лице которых не было ни тени отчужденности, ставшей привычной для меня за время городской жизни. Они распространяли душевное тепло, проникающее в самые глубины моего существа, в то время как мой ум метался в сомнениях, не находя опоры в знакомых ему эмоциональных реакциях. Я расхаживал по деревне с идиотским видом, пытаясь выражать радушие, то и дело сменявшееся на нарочитую серьезность. Мое лицо застывало в масках, в коих я без труда узнавал наигранные социальные роли, и мне приходилось опускать глаза, чтобы не выдать свое замешательство перед чистыми, искренними взглядами мокшан. – Намасте, брат! – слышал я приветственные слова, и чувствовал, как каждый вкладывает в них частицу своей души. – Намасте! – отвечал я заученным тоном, стараясь держать себя непринужденно и одновременно ощущая, что эти люди видят меня насквозь.

Внутри меня назревало смутное беспокойство, что-то непрестанно шевелилось и искало выхода, подобно младенцу во время родовых схваток. Я остро чувствовал нехватку

внутренней свободы и был готов на все, чтобы освободиться здесь и сейчас, скинуть с себя весь груз социальных норм и личных привычек. Мой ум был переполнен бесполезными знаниями, которые прежде я тщательно консервировал, считая это занятие интеллектуальным развитием. Теперь я нуждался в том, чтобы опорожнить все свои запасники, освободить место для нового опыта, познать и снова отбросить приобретенные знания как балласт. Во мне росло желание превратиться в ничто, стать ветром в поле или необработанной почвой, но в реальности я чувствовал, как внутренние ростки не могут пробиться через кору ментальной оболочки, покрывшей мое существо.

Мой изощенный научными теориями рациональный ум постепенно начинал трещать по швам. Здесь, среди этих не испорченных цивилизацией людей, я впервые открыл для себя, что человеку необходимо проявлять свою иррациональность, потому что она является неотъемлемой частью его природы. Наша культура делает нас в этом отношении ограниченными людьми, поскольку с детства прививает иммунитет против безумия. Она приучает нас к здравому смыслу подобно тому, как родители приучают своих детей к горшку. Это способствует развитию рассудка, но одновременно с этим создает психологическое напряжение, которое невозможно унять никакими слабительными средствами. В отличие от нас, примитивные культуры всегда имели в достатке комплекс методов для разрядки этой патологической напря-

женности. Им было знакомо состояние «священного безумия», которое ритуализировалось и воспроизводилось в обрядовой культуре.

Мне, как стороннему наблюдателю, всегда было свойственно релятивистское отношение к религиозным обрядам несмотря на то, что я не раз принимал в них участие. Когда это было необходимо, я повторял обрядовые действия, но делал это без вовлеченности, без энтузиазма. Временами я чувствовал желание приобщиться к богослужению, мое сердце начинало робко трепетать при взгляде на неподдельные переживания верующих, но внешне я оставался спокоен и рассудителен. Моя позиция была четко определена рамками научного познания, и феномен веры оставался недоступен моему пониманию. С течением времени многое изменилось. Я начал чувствовать потребность приобщиться к миру людей, среди которых я оказался. И чем сильнее я ощущал свое несоответствие этому миру, тем больше нуждался в близости и взаимопонимании.

Мне было безразлично, какой религиозной традиции следовать – вайшнавизму или шиваизму, идти путем бхакти или тантры, повторять «хари кришна» или «ом намах шивайя». Я был готов поверить любому гуру, который поможет мне найти единство с миром, и мое состояние явно свидетельствовало о своевременности начала духовной практики. Как говорит народная индийская пословица, «когда садхака готов, гуру появляется сам собой». Однажды, прогуливаясь по

деревне, я узнал, что неподалеку находится дом человека по имени Васудева, который в этот день проводит духовную встречу – сатсанг и дает посвящение в индуистскую дхарму. Недолго думая, я направился туда, поднявшись по тропе к его дому, возвышавшемуся на поросшем вереском холме.

Приблизившись к нему, я заглянул в окно, и мне бросилась в глаза торжественная обстановка, царившая внутри помещения. Я застыл перед закрытой дверью как в притворе храма, чувствуя себя недостойным проникнуть в это недоступное для профанов место. Увидев мое замешательство, пришедшие на сатсанг мокшане деликатно предложили мне войти. Внутри уже собралась небольшая группа посетителей, которые воздавали почести гуру, распевая мантры и возлагая на алтарь подношения. Повсюду на стенах висели янтры – графические диаграммы, предназначенные для структурирования пространства, а на алтаре находился массивный кристалл, аккумулирующий космическую энергию.

Гуруджи, облаченный в широкополый кафтан, ворочал кочергой в печи, нашептывая еле слышимые заклинания. Наконец из его уст, обрамленных густой бородой, раздалась членораздельная речь. – Ом намо, мокшане, – он подкинул в огонь пучок благовонных трав, а затем собрал в ладонь горстку пепла и посыпал им свою голову. Присутствующие затаили дыхание в ожидании представления, и оно не замедлило последовать. Васудева расположился напротив аудитории, скрестив ноги на коврике для медитации, и обратился к

людям с приветственной речью. Его голос звучал церемониально и протяжно, интонации переливались в вокальных модуляциях, а мягкий акцент выдавал украинское происхождение.

Намасте! – он сложил ладони на уровне лба, слегка наклонившись вперед. – Все мы – части единого целого. В каждом из нас есть частица Бога, об этом написано в Ведах. Когда мы повторяем ведические мантры – «ом тат сат», «тат твам аси», «ахам брахмасми» – все они подразумевают одно – ты есть то. Мы следуем по пути Санатана Дхармы, чтобы раскрыть свои божественные качества. Душа изнутри наполнена знанием и блаженством, но пока она пребывает в плену материального мира, мы не можем прикоснуться к божественному источнику. Все мы собрались здесь, потому что каждый искал путь к освобождению, путь к Мокше. Мокша подобна женщине, любовь к которой заставляет забыть себя и свои жизненные принципы. Это часть Божественной Игры – Виласы – любовного влечения к Абсолюту.

Не имеет значения, какая карма нам досталась при рождении – брамина или шудры, индуса или русского – каждая обусловленная душа рано или поздно достигнет духовного мира, где сольется в сангаме с источником всего сущего – Парамешварой. Душа не имеет национальности, а наше тело – это лишь биологический скафандр – оболочка, которую нам не раз предстоит сменить в черед перерождений. Помните, что ваше присутствие здесь не случайно, это плод

кармических заслуг, накопленных за многие жизни. Приходит время вернуться в свой истинный дом, вдали от которого мы блуждали долгие годы... Речь гуруджи звучала сбивчиво и местами прерывалась декламациями санскритских текстов. Вскоре он перешел на описание своего личного духовного опыта.

– Вы даже не можете себе представить, с каким наслаждением я выполняю свои ежедневные ритуалы. Кружка парного молока на моем столе утром как божественный напиток амрита. Каждый глоток – сат, чит, ананда – вечность, знание, блаженство. Пью и мысленно повторяю: ом тат сат. Откуда столько блага? Оно в каждом кусочке пищи, в каждом произнесенном слове, гармония разлита здесь в каждой частице материи. В мои окна струится свет райских планет, в небесах я воочию вижу Вайкунтху – трансцендентную обитель богов. Благословенна судьба, приведшая нас в эту священную землю... Люди как замороженные внимали словам Васудевы, который, подобно опытному гипнотизеру, манипулировал чувствами публики.

– Сат, чит, ананда... – повторял я беззвучно вслед за гуру, пропуская сквозь тело интенсивные волны блаженства. Вокруг меня разрастались райские кущи, эфемерные, но тактильно осязаемые, появляющиеся и исчезающие в пространстве, отцветающие и плодоносящие, а потом вновь покрывающиеся листвой за считанные мгновения. Откуда-то издалека доносилась чарующая музыка, ее звуки растворя-

лись в воздушной среде и превращались в запахи, обволакивающие восприятие легким флером цветочных ароматов. Вокруг кружились едва уловимые, аморфные, бархатистые, немного вязкие и стелющиеся, обволакивающие, искрящиеся хлопья праны. Сквозь закрытые веки я видел потоки лучистой энергии, которая внезапно сосредоточилась напротив моего лба и проникла в межбровье. Приоткрыв глаза, я увидел, как гуру энергичными пассами взбивает мою ауру и, слегка надавливая пальцем, массирует лобную чакру.

Обойдя по кругу присутствующих, Васудева вернулся на свое место и застыл в медитации. Звуки мантр прекратились, и стало неожиданно тихо. Я почувствовал, что не могу спокойно сидеть на месте и это чувство быстро усиливалось до дрожи в конечностях. Я пытался бороться с беспокойством, одновременно ощущая позыв к сопротивлению, но оно пересилило меня, и я поднялся, с трудом шевеля онемевшими ногами. По позвоночнику прошла волна из нескольких коротких импульсов, мышцы непроизвольно сокращались в разных частях туловища, а к горлу подступал изнутри комок жара. Было похоже, что этот комок в результате вызовет физиологическую реакцию вроде отрыжки или рвоты, но оказалось он имел другую природу.

Внезапно вырвавшись из гортани, жар преобразовался в звук «ом», и этот звук полностью заполнил собой окружающее пространство, расходясь сферическими волнами во все стороны. Звук повторился несколько раз через равные

промежутки времени и наконец, полностью вышел вместе с жаром, оставив легкие безвольно колебаться под действием силы инерции. Среди присутствующих сохранялось молчание, но в нем чувствовалось единство умов, находящихся в непрерывной телепатической взаимосвязи. То тут, то там слышался треск проходящих сигналов. Эфир колебался в напряженном ожидании. Вдруг кто-то резко нарушил тишину, хрустнув костями, и протянул руку за стаканом воды. Люди заметно оживились и начали медленно выходить из транса.

Сатсанг подошел к концу. Последующие дни прошли в возвышенном состоянии, перемежавшемся спонтанными всплесками энергии, галлюцинациями и озарениями. Все это время я не переставал задавать себе вопрос: кто я? В моем сознании постепенно растворялись самсары, которые я привык считать свойствами своей личности. Визит к Васудеве полностью перевернул мои представления о себе и помог утвердиться в мысли, что я отмечен особыми знаками и имею шанс в этой жизни стать освободившейся душой – дживанмуктой. Звезды предначертали мне путь к Мокше, и все это время вели меня к ней извилистыми маршрутами. В памяти оживали кармические ситуации, которые мне приходилось проигрывать вновь и вновь, пока я не усваивал урок и с готовностью двигался дальше по этому пути.

Я чувствовал себя странником, пришедшим в мир людей из звездных миров, космическим агентом, заброшенным на чужую планету и по неосторожности забывшим коды досту-

па к базе знаний. Вопреки задачам исследования, приведшего меня сюда, я больше не мог опереться на платформу своего ума, и мне пришлось отбросить все старые концепции, служившие ему лакомой пищей. Стоило отдавать себе отчет, что для меня, как человека, посвятившего жизнь умственной работе и потратившего лучшие годы на его образование, ум служил фундаментом структуры личности, и разотождествление с ним было равнозначно ритуальному самоубийству. Мне было известно о таких практиках, но только с теоретической точки зрения. Проводить такой опыт на себе было исключительно смелым решением.

Однако судьба не оставляла мне выбора, один за другим сторали мосты, связующие с прошлым, и казалось, назад пути уже не было. Одна лишь мысль не оставляла меня все это время. Если я не являюсь этим умом, скрывающим мою подлинную сущность, если я не есть это тело, с которым привык отождествлять себя в течение жизни, если я не есть все эти отождествления, сменяющиеся в зависимости от обстоятельств и времени, если я – это лишь поток переживаний, в котором не больше постоянства, чем в молекулярных трансформациях, воспроизводящих мою физическую форму, то кем в действительности являюсь я? Этот вопрос стал лейтмотивом моих медитативных практик, и я не уставал повторять его в уме, погружившись в созерцание внутреннего света в области межбровья.

Покрывало Майи становилась все тоньше, и реальность

все более четко проявлялась в различных жизненных ситуациях, игриво созданных всесильной волей Абсолюта. Я стал ощущать значимость каждого момента жизни, его наполненность и уникальность. Чудо творения, происходящего здесь и сейчас, сила и провидение божественного разума открылись мне во всей полноте. Мое сознание было извлечено из глубокого подземелья, где во мраке неведения, в повседневной рутине я провел многие годы. Может быть, только в детстве или в ранние юношеские лета, мой мозг, еще не зашоренный умственными концепциями, был способен воспринимать такие откровения. Где-то в памяти сохранились их отголоски в виде ярких образных воспоминаний. Теперь же все образы стали настолько отчетливыми и реальными, как будто с глаз спала пелена, рассеивающая внимание.

По мере моего пребывания в Мокше, я постепенно терял из вида контуры привычной реальности и на зыбкой поверхности сознания стали вырисовываться детали нового мира. Моя картина мира наполнилась новыми красками – я начал видеть красоту окружающей природы, чувствовать дыхание леса и шелест звезд на небе. Рассветы и закаты, природные циклы и религиозные символы обрели особую значимость в моем внутреннем мире. В моей душе пробудилось чувство святости, и я с благоговением взирал на проявления божественного промысла во всем, что меня окружало. Утренние часы перед восходом солнца я неизменно посвящал молитвам и медитациям, а время заката проводил на пудже – хра-

мовом ритуале богослужения.

Мой язык смаковал нектар святых имен, звуки лились рекой из моей груди, как из неистощимого источника Ганготри. Мой голос стал чистым и ровным, насыщенным интонациями и обертонами. И чем больше я проникался его гармоническим звучанием, тем сильнее росло во мне желание изливать его в окружающий мир. Мне хотелось наполнить все окружающее пространство вибрациями, рождавшимися в горловой чакре. Мои слова произвольно превращались в стихи, а песни в молитвы. По мере возможности я старался сдерживать себя от экзальтации, но был близок к тому состоянию, которое испытывают индуисты во время многодневных киртанов – религиозных песнопений.

Моя речь наполнилась яркими и точными фразами, которые заменили тяжеловесные вербальные конструкции, служившие мне прежде для изложения идей. На проверку они оказались совершенно бесплодны и постепенно начали отваливаться, как отсохшие ветви деревьев. Внутри появилось удивительное ощущение легкости и окрыленности, незнание мне прежде. Я опростился, отпустил бороду, стал носить холщевую рубаху, расшитую тесьмой. Городская одежда была выброшена вместе с балластом изживших себя привычек. Мне больше не требовалась обувь, потому что я вкусил радость хождения босиком. Благодаря этому мне не нужно было разуваться перед входом в сельский храм, так как больше не существовало разграничений между священным и мир-

ским – вся земля, по которой ступали мои ноги, являлась для меня божественной обителью.

Эпизод 4. Три реки

Шел третий месяц моего пребывания в мордовской деревне. Я жил в чудесном, наполненном смыслом и безмятежной радостью мире. Этот мир был несравнимо далек от той жизни, которую я вел в прежнее время. На фоне повседневного мокшанского быта в моей памяти всплывали сюжеты волшебных сказок. Обыкновенные чудеса стали привычны мне, как рассветы и закаты. Я перестал удивляться неожиданным

поворотам событий, заранее приняв их за данность. Я уже не подвергал сомнению реальность пряничных домиков и молочных рек с кисельными берегами, сполна изведав их вкус. Все встало на свои места. Жизнь была предоставлена самой себе и лилась свободным, не иссякающим потоком.

Постепенно я начал осознавать, что Мокша не оставляет мне иного выбора, кроме того, чтобы всегда находиться в потоке, пребывать в истине. Чем ближе я оказывался к ней, тем не совершенней казался сам себе, но любые попытки ухватиться за ее эфемерный след обычно оборачивались прямо противоположным результатом – мое состояние напоминало участь выброшенной на отмель рыбы, бессмысленно барахтающейся в песке. В эти драматические моменты я ясно осознавал, что живу и действую лишь по воле вдохновения, данного мне свыше, и без него для меня не будет удачи ни в одном начинании. Так во мне открывалось духовное видение, и хотя оно было интуитивно, концептуально не оформлено, понимание, вырастающее из него, заменяло любые философские притчи.

Тем временем, как это водится в человеческом мире, реальность постепенно начинала облекаться мифом, а миф – наполняться именами и формами. Однажды утром, прогуливаясь с бидонами к молочной ферме, я услышал зовущий меня голос Васудевы из проезжающего мимо грузовика. Запрыгнув в кузов, я оказался среди мешков с отрубями, предназначенных на корм скоту. Вскоре, достигнув фермерского

хозяйства, я потратил выигранное время на разгрузку кормов, перекидывая их с кузова в жилистые руки гуруджи. Закончив работу, мы спустились к берегу реки, вытирая руками пот со лба и почесывая следы от укусов мошкары.

– Посмотри, как благодатна сегодня Сура, – медленно опускаясь в воду, промолвил Васудева. – Ты чувствуешь медовый аромат, исходящий от нее? Она принимает в себя запахи прибрежных трав и нектар цветов, посыпаящих ее своими лепестками во время вечерней пуджи. А на рассвете, покрытая туманом, она словно мед с молоком – так сладостна, так прекрасна – сложно не поддаться ее очарованию. К этой тиртхе приходят те, кто ищет радужных иллюзий, никто не минует ее на своем пути, но лишь некоторые продолжают свое паломничество дальше...

Я молча слушал декламации деревенского мистика, слушая с носа капающую воду. Словно почувствовав мое замешательство, он повернул ко мне косматую голову и спросил: – ты слышал легенду о трех тиртхах? – Что-то не припомню... – не уверенно ответил я, перебирая в памяти записанные мной образцы местного фольклора. – Тогда выйдем на берег, я расскажу ее тебе. Мы вышли из воды, подставив свои тела теплому ветру, и я присел под кроной ивы, приготовившись внимать речам рассказчика.

– Это древняя легенда. Три тиртхи – это три реки, куда паломники приходят, чтобы совершить обряд омовения – Сура, Кама и Мокша. Каждая из этих рек символизирует одну

из гун материальной природы, которые определяют качества человеческого существования. Сура ассоциируется с опьянением и относится к гуне тамаса, невежества, Кама ассоциируется со страстным желанием и гуной раджаса, Мокша ассоциируется с просветлением и саттва-гуной – гуной благодати. Люди склонны развивать в себе качества одной из трех гун, в соответствии со своей природой, и в зависимости от этой предрасположенности выбирать объект поклонения.

В индуизме есть целый пантеон божеств, предназначенных для удовлетворения духовных потребностей людей разных варн и кастовых сословий. Каждый из этих людей поклоняется одному из божеств, воплощающих определенные качества, и открывает их в себе. Но в действительности, все они являются разными аспектами единого, и только в совокупности образуют божественную природу человека, проявляющуюся в момент самореализации. Поэтому каждый мужчина заключает в себе Тримурти – Шиву, Вишну и Брахму, а каждая женщина – Тридеви – Кали, Лакшми и Сарасвати. Омовение в трех тиртхах – это благословение, которое дается для реализации этой возвышенной цели. Оно помогает преодолеть влияние трех гун материальной природы и осознать себя вечной душой, исполненной знания и блаженства.

Я спросил Васудеву: – Гуруджи, разве возможно, чтобы человек осознал свою божественную природу и продолжал участвовать в мирской жизни? – Этот вопрос часто приходил мне на ум, и я использовал любой подходящий случай,

чтобы прояснить его. Васудева подвел меня к берегу Суры и сказал: – Смотри, эта река подобна священной Ганге. Еще вчера в нее сбрасывали пепел погребальных костров, а сегодня вода в ней так чиста и благостна, что из нее можно пахтать амриту. Вода этой реки способна принять любую форму. Демоны асуры при взгляде на нее будут видеть потоки нечистот, а божественные дэвы – благоуханные волны нектара. Также человеческое сознание, вращаясь в сансаре, то взмывает в высшие миры, черпая оттуда благодать и вдохновение, то опускается в царство голодных духов, где ничто не может насытить его страсть и неудовлетворенность.

Зачерпнув воды в ладони, Васудева произнес трагическим голосом: – О Сура, отчего твои воды, сладкие как мед, внезапно стали горькими как полынь? Это знак, указывающий на непостоянство чувств. Русло реки со временем может превратиться в стоячую воду, а на место иллюзий может прийти разочарование. Мне известны судьбы разных людей, которые оказывались в схожих жизненных ситуациях. Один из них до сих пор заходит в нашу деревню, хотя люди отказываются даже давать ему подаяние. В течение долгих лет этот славный муж совершал аскезы и приносил жертвы полубогам, а теперь он оскверняет себя самогоном и непристойными речами, сетуя на немилость Всевышнего. Что делать, таков удел многих падших душ, попавших под влияние гуны невежества.

Я также знал человека, который по собственным утвер-

ждениям достиг непревзойденных высот в йоге и пожинал плоды своего духовного просветления до тех пор, пока от него не ушла жена, забрав детей и долю имущества. Вскоре от возвышенных состояний сознания не осталось и следа, и вместе с поворотом колеса сансары этот человек оказался в низших мирах своего психологического ада. – Что стало с этим человеком? – спросил я гуруджи. – Он совершил одиночное паломничество к истокам Камы, его путь был длителен и труден, но ему удалось достичь истока и совершить там пуджу для богини Дурги. Он мог бы молиться Лакшми об исполнении своих желаний, но он стал молиться Дурге, и она откликнулась на мольбы, избавив его от них... – Васудева сделал торжественную паузу, а затем, многозначительно прищелкнув языком, продолжил.

Наши желания – главный источник иллюзий, они удерживают сознание под покровом Майя Деви. К Кама-тиртхе приходят те, кто уже не в силах совладать с собой, чьи страхи и надежды меркнут, сталкиваясь с неконтролируемым потоком желаний. Ее течение изменчиво: иногда оно бурно движется через пороги и захлестывает волнами, иногда оно выбирает себе русло среди камней и замедляет свой ход, иногда оно останавливается у берегов и застаивается, покрываясь трясинной. Но течение этой реки не просто остановить. Даже если ты встанешь на путь брахмачарья и закроешь поток чувственного желания уддияна-бандхой, господь Индра будет посылать к тебе соблазнительных апсар, чтобы препят-

ствовать твоему вхождению в мир полубогов. Поэтому запомни – кто плывет по течению, никогда не достигнет источника.

– Но где находится источник? – сорвалось с моего языка. – Не спеши открывать завесу тайны, время придет, и ты узнаешь. Это путь, по которому прежде тебя прошли бесчисленные множества пилигримов. Многие из них совершали омовение в Суре на рассвете, смакуя запахи утреннего тумана, многие погружались с головой в бурные воды Камы под лучами палящего солнца, но мало кто осмелился нырнуть в воды Мокши и выйти из нее освобожденным. Эта тиртха последняя на пути искателей истины, и чтобы достичь ее берегов, нужно иметь непоколебимое намерение достичь освобождения в этой жизни. Путь к ней не близок и нужно быть опытным возницей, чтобы вести колесницу чувств в правильном направлении...

При мыслях о трех тиртахх в моем сознании возник образ кипящих котлов из сказки о Жар-Птице. Конечно, поймать ее было заманчивой целью, но пока я не мог определиться, чьему примеру мне предстоит последовать – Ивана-царевича или Царя. Слова Васудевы не были для меня пустым звуком, и я был в определенной мере заинтригован многозначительностью его речи, хотя за время нашего знакомства успел привыкнуть к свойственной ему манере изложения. Очевидно, что маршрут паломничества, обозначенный им, лишь условно касался географических координат, а

напутствия напоминали формулы русских народных сказок – «пойди туда не знаю куда» и «иди вперед и не оборачивайся».

Я с трудом мог вообразить пешее путешествие по мордовскому бездорожью в направлении ульяновской области, и с большим сомнением отнесся к идее, что этот паломнический маршрут популярен среди пилигримов. Оставалось только воспринимать эту речь как некую аллегорию, метафору духовного пути, изобретенную хитроумным мистификатором. – А теперь послушай, что говорится об этом в пуранах, если пожелаешь – можешь записывать. Ты ведь по-прежнему носишь с собой записную книжку, не так ли? – обратился ко мне мой наставник. Я немного смутился от этих слов и непроизвольно протянул руку к котомке, дабы проверить наличие своего неизменного атрибута. Разумеется, он был на месте, и я одобрительно кивнул Васудеве, перелистывая исписанные страницы.

– Давным-давно жил в этих краях один мудрец – риши и было у него три сына... – начал, было, рассказчик, но внезапно осекся. – Знаешь, – промолвил он, – а ведь меня ждут на ферме, работу никто не отменял. Давай пока повременим со сказками. Хари ом тат сат... – Закатав штаны и хрустнув коленями, он поднялся с насиженного места и молча удалился, оставив меня наедине с бесполезным блокнотом. Вероятно, это была очередная уловка, за которой скрывалась безграничная милость гуру, но во мне она оставила только чувства

растерянности и недоумения. Повертев в руках блокнот, я окунулся в воспоминания о временах, когда ходил от двора ко двору и записывал сельские небылицы. Собрав немалую коллекцию мокшанского фольклора, я, тем не менее, так и не стал его носителем, оправдывая этот факт отсутствием таланта рассказчика.

Возможно, причина была в другом, и у меня просто язык не поворачивался повторять немыслимые с точки зрения здравого рассудка вещи. Впрочем, меня забавляли истории односельчан, некоторые из них я даже пересказывал при подходящем случае, но ни один не произвел на меня такого впечатления как легенда Васудевы. С ней я связываю череду событий, которые начали разворачиваться в дальнейшем, словно по сценарию волшебной сказки, и может быть, именно по причине недосказанности, началась ее скорейшая реализация в пространстве и времени. Сакральные образы исполнили свою судьбоносную роль и пробудили во мне магическое мышление, загадочным образом изменившее ткань окружающей реальности.

Погрузившись в себя, я не заметил течение времени, но, по-видимому, мое одиночество на берегу Суры было непродолжительным. Из задумчивости меня вывел негромкий всплеск, раздавшийся в нескольких метрах вверх по течению. Обернувшись на звук, я увидел цветочные венки, неторопливо плывущие друг за другом, закручиваясь в легких водоворотах. Вслед за этим я услышал женские голоса

и вскоре у моей купальни изящно нарисовались юные девы, закутанные в разноцветные индийские сари. В их русые косы были вплетены цветы жасмина и казались они сестрами, одновременно достигшими пубертатного возраста. Я задержался взглядом на этом чудесном явлении и пропустил момент, когда один из венков причалил к берегу вблизи от меня. Моя рука невольно потянулась в его сторону, но вспомнив о символическом значении этого обряда, я не посмел достать венок из воды, а лишь помог ему продолжить свое плавание.

В тот же миг волшебство развеялось, и девы со смехом покинули купальню. Вероятно, они последовали вниз по течению реки или поднялись на поле, раскинувшееся за порослью прибрежных кустарников. Решив проверить свою догадку, я направился вверх по тропе и вскоре до моего слуха донесли звуки песни, сопровождаемой незамысловатым музыкальным аккомпанементом. На поле моему взору открылось народное гуляние, в котором участвовали и мужчины, и женщины, человек пятьдесят, по меньшей мере. В центре поляны, окруженной танцующим хороводом, красовался запевала-баянист, чуть поодаль на земле расположился барабанщик с двухсторонней индийской мридангой, вокруг приплясывала и хлопала в ладоши публика. Музыканты с истинно русским запалом исполняли гимн богине Кали, своим звучанием больше напоминавший Калинку-малинку, чем индийский храмовый бхаджан.

Присоединившись к числу слушателей, я встретился взглядом со своим соседом Болорамом – человеком общительным и благодушным. Приветствовав его, я посетовал на то, что порой меня приводят в недоумение те формы, которые принимает народная культура в результате смешения национальных традиций. Моего собеседника это ничуть не смутило. Он поведал мне о временах расцвета российского индуизма, когда мэтры ведического искусства привлекали неофитов своим песенным творчеством. Отсутствие музыкальной грамотности и слабое знание санскрита не служило им в этом препятствием. С тех пор не многое изменилось, и наравне с мастерами, исполняющими классические индийские раги, в деревне встречалось немало музыкантов-самоучек, избравших для себя фольклорный жанр.

Мы увлеклись беседой, со смехом воскрешая в памяти различные курьезы, пополнившие копилку мокшанского народного творчества. Тем временем к нам присоединилась компания из трех человек, среди которых я узнал Тамару Махарши – женщину средних лет, известную на всю деревню своими лечебными сборами и снадобьями. Она была одета по-цыгански пестро и при ходьбе слегка приподнимала подола длинной юбки. – Заходите к нам на чай, я напекла пирогов на Наваратри, – заискивающе приветствовала нас она, рассматривая меня в упор. – А то у вас на уме сплошные экадаши, даже на праздники постная пища. – Не все коту масленица, – с ходу ответил ей Болорам. – Год нынче не уро-

жайный, можно и попоститься. Вот помню, пару лет назад на Джанмаштами...

Неожиданно под всеобщее улюлюканье хоровод увеличился в диаметре, и мы оказались в эпицентре событий, увлекаемые стремительным движением массы. Баянист пошел вприсядку, барабанщик затряс головой, мотая из стороны в сторону косицей на бритом затылке, а ликующая толпа сплотилась в единый круг, захватив в него всех присутствующих. Мои ноги понеслись в пляс вопреки моей воле, хотя я не сопротивлялся этому, поддавшись общему ликованию. Под конец праздника мокшане нестройной гурьбой потянулись к деревне. Там их ожидала вечерняя пуджа и праздничный прасад. Мы распрощались с Болорамом, и я остался в обществе тетушки Тамары, пообещав помочь отнести пироги на собрание.

Вопреки моим ожиданиям, мы направились не к реке, где проводился обряд арти и не в храм, откуда выносили мурти – украшенное цветами божество Махадеви. С дороги мы свернули на тропу, ведущую на опушку леса, где стояли на отшибе редкие домики. – Вы бывали в доме кузнеца Ивана Калидаса? – обратилась ко мне травница. – В народе это место называют Сварга Двар... Мне было знакомо это название, хотя я никогда не был там прежде и вообще редко захаживал в эту часть деревни. Слухи о нем ходили противоречивые и поговаривали, что там обитают шиваиты-тантрики, которые выполняют свои практики на Смашане – месте ри-

туальной кремации.

Откровенно говоря, меня не пугали суеверия, и я радовался возможности отделиться от мокшанского мэйнстрима, рассчитывая открыть для себя новые стороны жизни общины. Шиваитская тантра всегда была маргинальным явлением и даже среди многочисленных ответвлений Санатана Дхармы выделялась в особую категорию, отличавшуюся подчеркнутым эзотеризмом. Сварга Двар оказался укрытым в тени раскидистых дубов подворьем, окруженным частоколом из горбыля. На воротах красовался козлиный череп, обрамленный свастическим орнаментом. Мы вступили на закрытую территорию и увидели несколько строений, одно из которых, по-видимому, служило кузней. На задворках среди молодого ельника показалось святилище, внутри которого виднелся ужасающий лик Махакалы. За ним, как мне впоследствии удалось узнать, находилась излучина реки, куда сбрасывали пепел со Смашана.

Антураж этого места сразу напомнил мне атмосферу из сказок о Бабе Яге. Воображение живо дорисовывало к образу забор из человеческих костей и черепа с лязгающими зубами. В волшебных сказках Баба Яга выступает как страж порога, отделяющего обыденный мир от неведомого тридесятого царства, где сказочного героя ожидают чудесные встречи и магические трансформации. Однако, этот переход небезопасен – ему сопутствуют несущие угрозу для жизни посвятельные испытания, а Баба Яга проводит посвяще-

ние через мистериальную жертву. Не случайно «яга», «ягья» на санскрите означает «жертва, жертвоприношение», а тот, кто его совершает, зовется «бабой». Впрочем, это посвящение обычно не лишает жизни, а открывает вход в потусторонний мир, куда можно проникнуть, только уподобившись духам.

Тамара Махарши провела меня в дом для собраний, где царил полумрак, на стенах просторной комнаты плясали тени от пламени свечей. Мы подошли к столу, занимавшему угол помещения, и она жестами указала мне на посуду и закипелый примус, приглушенным голосом попросив приготовить чая. Пообещав вскоре вернуться, травница тихо выскользнула из комнаты, оставив меня в одиночестве. Я набрал воды из бадьи, прогрел примус и, поставив чайник на огонь, осмотрелся по сторонам. К моему удивлению, в комнате я был не один. У стены сидели в медитативных позах две молодые девушки, одетые в просторные шелковые одежды. Одна из них была коротко подстрижена, на голове ее торчался ежик из светлых волос, другая, напротив, имела длинные черные локоны, частично закрывающие лицо. Они были неподвижны, лишь равномерное спокойное дыхание создавало движение грудной клетки.

Я старался как можно аккуратней передвигать чайную посуду, проникаясь атмосферой медитации, и мои движения приобрели некую церемониальность, стали легкими и точными. Я увлекся процессом, выполняя инструктаж по при-

готовлению чая, в то время как светловолосая открыла глаза и устремила пристальный взгляд на мои руки. Затем взгляд скользнул по лицу, обнаружив блеск подвижных зрачков, и вопрошающе уставился на меня, застыв в ожидании. Рядом едва заметно шелохнулась, а затем расправила спину и плечи темноволосая девушка, словно почувствовав изменения в обстановке и потребность выйти из медитации. Сложенные на уровне пупка руки разъединились, волосы с лица одним кивком головы были откинута назад и вот, в полумраке комнаты, на меня смотрели две пары живых поблескивающих в пламени свечей глаз.

– Не хотите ли чаю? – поинтересовался я, решившись нарушить молчание. Лица девушек оставались серьезными, вернее сказать, наполненными спокойствием, но по едва заметным движениям было видно, как оживают их тела, застывшие в правильном полулотосе. – Налейте мне кружечку, – произнесла темноволосая отстраненно. Другая молча расплела сложенные ноги и, аккуратно ступая, подошла к столу. Опередив меня, она обхватила тонкими пальцами заварочный чайник, и на мгновение застыла, вглядываясь в темную прозрачную жидкость. – Ты давно здесь сидишь? – обратилась она ко мне. – Здесь не было никого кроме нас? – Видите ли, хозяйка вышла по делам, она меня не предупредила... – Я понял, что начинаю оправдываться в своем невольном вмешательстве, но девушка, не обращая внимания на мои слова, продолжила речь.

– Мне казалось, тут было множество людей, я была в огромном зале с колоннами, похожем на храм или театр. – Ее взгляд снова застыл на поверхности чайника, и я догадался, что она галлюцинировала. – Позвольте, я помогу, – произнес я услужливо, пододвигая пустые чашки. – Чай ароматный, с душицей. – А еще я слышала здесь играла музыка, такая необыкновенная... похоже было на арфу или ситар... Монолог прервался звуком открывающейся двери, и в комнату вошла Тамара Махарши с подносом в руках. Следом за ней показался молодой человек с длинными спутанными волосами и блаженной улыбкой, которая, как я позже смог убедиться, не сходила с его лица. Присутствующие обменялись жестами приветствия и расположились вокруг стола. На подносе лежала свежая выпечка с вечернего прасада.

– Можем начать нашу трапезу, – с загадочной улыбкой произнесла Тамара. – Калидас подойдет позже, сейчас он занят в кузне. Молодой человек, представившийся как Лакшман, без тени сомнения выложил на стол кулек с высушенной травой и принадлежностями для курения. Мне было известно, что в общине имеет место ритуальное употребление психоактивных веществ, в особенности конопли, которая также используется в сельскохозяйственных целях. Это растение считается йогическим средством, с помощью которого Шива погружался в свое вневременное самадхи. Пару раз мне довелось присутствовать при церемонии курения ганджи, как здесь называют это вещество, и даже поучаствовать в одной

из них. Снадобье насыпалось в специальную трубку, именуемую «чиллум», которая передавалась по кругу с возгласом «бом бхоленат», а пепел выкуренной травы высыпался на голову и втирался в волосы.

Чиллум пошел по рукам, и я старался следовать форме ритуала, лишь однажды не совладав с собой и раскашлявшись, рассыпав тлеющие искры по полу. Курили все кроме Тамары, которая меланхолично смотрела в темноту и едва заметно улыбалась. У девушек довольно ловко получалось обращаться с громоздким курительным прибором. Блондинка, чье имя было Амрита, обхватывала его пальцами так, словно складывала мудру, при этом слегка откидывала голову и закатывала глаза при каждом вдохе. Майя, так звали ее подругу, держала чиллум одной рукой на вытянутых пальцах и совершала медленные колебательные движения туловищем, как будто исполняла с ним танец.

По кратким репликам я понял, что они медитируют здесь уже не первые сутки. Я заморожено наблюдал, как пробуждается застоявшаяся энергия в их молодых телах, как дым расслабляет мышцы и в то же время приводит их в тонус. Было заметно, что они получают от этого удовольствие. Однако мне самому никак не удавалось расслабиться – тело словно одеревенело и конечности двигались так, будто крепились на плохо смазанных шарнирах. Время замедлило свой ход, и мы неторопливо пили чай, сохраняя молчание. Неожиданно Майя обратилась ко мне с вопросом и его смысл не сразу до-

стиг моего сознания. – У тебя есть садхана? – Что простите? Она засмеялась над моей реакцией, но видя искреннее недоумение во взгляде, уточнила: – Ты повторяешь гуру-мантру? Читаешь джапу? Медитируешь?

На языке завертелись варианты ответа, но я сдержался и дал себе время обдумать его. – Я совершаю паломничество к трем тиртхам по настоянию моего гуру, – произнес я после непродолжительной паузы. – Куда? – в свою очередь удивилась Майя. – Есть древняя легенда... – прокомментировал я словами Васудевы. – Ааа, – протянула она, очевидно решив, что это долгая история. – А кто твой гуру? – Васудева. – Василий? – вступила в разговор Тамара. – Чему он учит тебя, адвайте? А ведь когда был вайшнавом, боролся с имперсоналистами и последователями Шанкарачарьи. Я запнулся, опасаясь вступить на скользкую дорожку метафизических спекуляций. Меня выручил Лакшман, продекламировав: – Короче, Ом Намах Шивайя! Все едино!

Амрита вступила в диалог последней, продолжив мысль своей подруги: – А нам Калидас дал такую садхану! Он говорит – это специальная тантрическая техника, у меня уже, кажется, чакры начинают активизироваться. А ты когда-нибудь участвовал в майтхуне? – сверкнула она глазами в мою сторону. Я тщательно пытался уловить смысл в этом жонглировании санскритскими терминами и, признаюсь, мне это не всегда удавалось. Но на сей раз, моя догадка оказалась верной, и я предпочел прикинуться наивным, чтобы отвлечь

внимание от краски, заливающей мое лицо. – Нет, а что это? – поинтересовался я нарочито небрежным тоном. – Ну, это тантрический секс, – откликнулась Амрита бесстрастно. – Ритуальное соитие, как называет это Калидас. – О, Бхагаван! – воскликнул я в сердцах.

Все засмеялись, но подавили хохот, заметив стоявшего в дверях кузнеца. Его фигура темнела на фоне лучей закатного солнца, и, казалось, он не спешил входить, тихо наблюдая за нами. Собравшиеся сложили ладони в намаскар-мудре, приветствуя хозяина, и потеснились, уступив ему место у стола. Иван Калидас, не мешкая, вошел внутрь и расположился по левую сторону от меня. Он был одет в черное, его лицо и руки были покрыты налетом сажи, а на скуластом выбритом черепе пробивалась жесткая щетина. Запястья и шея кузнеца синели узорами татуировок, но из-за воротника и длинных рукавов сложно было разобрать их детали. По комплекции его вид вызвал у меня ассоциацию с образом Кашея Бессмертного.

Некоторое время он сидел в молчании, напряженно всматриваясь в пламя свечи, а потом заговорил, пронизывая тишину хриплым басом: – Есть лишь один прямой путь познания вашей истинной сущности, если вы не собираетесь тратить будущие воплощения на накопление благой кармы. И на этом пути нет разграничений на условные категории добра и зла. Люди, которые забивают себе голову понятиями о правильном и неправильном просто ходят по кругу, на-

капливая самсары. Они могут изучать Веды и говорить об освобождении, но сами при этом, ни на шаг не могут приблизиться к цели. Я выбрал для себя путь необусловленной свободы, в этом моя садхана. Ахам брахмасми.

– Ахам брахмасми... – почти одновременно тихими голосами повторили за ним Амрита и Майя. Лакшман задумчиво постучал чиллумом по ладони, пытаясь извлечь из него остатки пепла. – Складно говоришь, тебе бы сатсанги устраивать, – обратилась к кузнецу Тамара, с умилением глядя на него прищуренными глазами. – А я вот к тебе человека привела, – кивнула она на меня. – Пора вывести его на путь истинный. – Да не вопрос, выведем, – ответил Калидас, даже не поворачивая головы в мою сторону. На меня нахлынула волна возмущения, под влиянием ганджи переходящая в легкую паранойю. В сознании возник порыв покинуть собрание, но я сдержал его и вместо этого заерзал на стуле. – Вы пирогов то отведайте, а то остыли уже, наверное, – ненавязчиво перевела тему Тамара. – А с чем пироги то у тебя, бабушка? – хриплым голосом поинтересовался кузнец. – С грибами? – С грибами, Вань, с грибами! – радостно отозвалась травница.

Вечер пролетел незаметно, и я остался на ночь в гостевом доме по соседству с ученицами Ивана Калидаса. В окно моей комнаты вкрадчиво заглядывала молодая луна, освещая статую Бхайравы, раскинувшего во все стороны свои паучьи руки. Меня окутывала сладостная дрема, и вскоре я погрузился в грезы, принесшие покой утомленному дневными пе-

рипетиями организму. Мой следующий день снова прошел на подворье. Это могло показаться странным, но после чаепития в канун Наваратри, вызвавшего во мне немало противоречивых чувств, я стал частым гостем Сварга Двара. Я был признателен тетушке Тамаре, которая сосватала меня к Калидасу, и ценил опыт общения с ним, поскольку таких личностей не часто можно было встретить на деревенских собраниях. Но в большей мере я придавал ценность каждой встрече с темноглазой Майей, пленившей мое сердце своим магнетическим очарованием.

По мнению Калидаса мне требовалось заземлиться, поэтому он выбирал для меня самую черную работу. Мне приходилось удобрять огород, чистить курятник и копать выгребные ямы. Он говорил, что перевидал немало «отлетевших космонавтов» и знает, как возвращать их на землю. В моем рационе появился животный белок, в котором я ограничивал себя на протяжении последних месяцев. Тамара Махарши потчевала меня чаванпрашем и своими фирменными отварами из зверобоя. Я начал замечать, как возрастает моя физическая сила, а вместе с ней и сексуальная энергия, о которой я успел позабыть в период своего медитативного уединения. Во снах мне являлись разные женщины, но наяву мое внимание было сосредоточено лишь на одной.

Однажды, после совместной практики динамической медитации, мы приняли бханг – сильнодействующий напиток из конопли. По мнению Калидаса, это должно было помочь

движению энергии по сушумне. Эффект появился не сразу, но, начиная с первых ощущений, стал быстро развиваться по нарастающей. Вместе с ним возникло желание прогуляться на свежем воздухе. Пошатываясь, я направился к выходу из зала, где проходила практика. Неожиданно почувствовав взгляд в спину, я обернулся, словно нарушив сказочный запрет, и застыл в оцепенении от увиденного. Группа пребывала в позе Шавасаны, обычной для йогических тренингов, но в положении тел и выражениях на лицах виднелась предсмертная агония. Лицо Майи было повернуто ко мне, и в ее остекленевшем взгляде отразилась странная смесь чувств, превратившая милостивое лицо в застывшую гримасу. На несколько мгновений мои глаза были прикованы к ней, затем я отвел их и направился в сторону выхода.

Впоследствии я рефлексировал на тему случившегося в Сварга Дваре и сравнивал этот опыт с архаическими обрядами перехода, в которых использовался опьяняющий напиток. В сказках он символически описывается в образах живой и мертвой воды или молодильных яблок, но в отдельных случаях появляется в форме, заставляющей вспомнить об известных науке растительных галлюциногенах. Не исключено, что они также могли входить в состав бханга, приготовленного на кухне Калидаса. Его эффект полностью лишил меня здравого рассудка и активировал иррациональный пласт сознания, под влиянием которого я поспешил покинуть подворье и направился к реке, преследуемый сворой

бхутов – духов Смашана.

Стараясь не оглядываться назад, я кустами пробирался к берегу Суры, за которой сгущались тучи, принимающие форму многоглавых чудовищ – стражей Калинова моста через реку Смородину. Вокруг слышались холодящие кровь завывания призраков из свиты Бхайравы, материализующихся из прибрежного тумана. Окруженный демоническими силами, готовыми разорвать меня на части, я начал искать спасение в водах реки и прямо в одежде вошел в холодную движущуюся стихию. Глубина в этом месте была небольшой и течение не быстрым, что позволило занять позицию в паре метров от берега. Собравшись с духом, я решил совершить ритуальное омовение и трижды погрузился в воду с головой. Купание подействовало отрезвляюще – видения постепенно начали растворяться в воздухе. Почувствовав жажду, я зачерпывал из реки дрожащими от озноба руками и пил. Ее вода была горька.

Той ночью мне не удалось сомкнуть глаз, а в следующие часто стала преследовать бессонница. Днем я ощущал вялость и апатию, из дома выходил редко и сторонился людей. Чувства волшебства и вдохновения покинули меня, вместе с энтузиазмом для занятий духовными практиками. Наряду с этим, что-то прояснилось в моем сознании, появилась объективность в оценке сложившейся ситуации. Вечерами я листал свои дневниковые записи и пытался собрать в голове картину произошедших событий. В блокноте оставалась

лишь пара чистых листов и меня посетила мысль, что вместе с ним моя жизнь в Мокше движется к финалу. Сбранного материала было достаточно для составления текста научной работы, и я все чаще возвращался к ней в мыслях. Приготовления к отъезду не заняли много времени. С первыми заморозками я покинул деревню и вернулся в город, где меня ожидал отчет о проведенном исследовании.

Эпизод 5. Кама Даршан

Как времена года сменяют друг друга в непрерывном цикле, как перелетные птицы, покидая на зимовку свой край, неизменно возвращаются назад, а рыбы после нереста спешат обратно в морские воды, также и человек, завершая очередной жизненный цикл, возвращается на круги своя. Моя жизнь в Мокше была ярким эпизодом, который я часто воскрешал в памяти, но после отъезда многое из приобретенно-

го опыта потеряло свою актуальность. Мне приходилось заново адаптироваться к городским условиям, а это отнимало немало сил и времени. Ушли в прошлое индуистские ритуалы, к которым я привык и считал неотъемлемой частью жизни. Пропало ощущение сакральности бытия, которое давало мне духовную энергию, а вместе с ней рождало влечение к Абсолюту.

Духовность, окружавшая меня мистическим флером, постепенно растворилась в повседневных заботах, и я стал замечать за собой скептическое отношение к различным ее проявлениям. Казалось, все происходившее со мной более не имело того значения, каким оно обладало прежде. Из этого ощущения я черпал свободу, так как оно переживалось как освобождение от рока, довлеющего надо мной. Но вместе с тем, окончательно скрылась из виду какая-то незримая и вместе с тем осязаемая часть души, придававшая смысл моему существованию. Я плыл по поверхности реки бытия, не совершая попыток погрузиться в ее глубину. Возможно, теперь на это мне бы просто не хватило дыхания.

Вскоре после возвращения из Мокши, жизнь снова вошла в привычное русло, и я с головой погрузился в работу. Постепенно мне удалось привести мысли в порядок, чувства стали отходить на второй план, ум вернулся к своей привычной деятельности. Мой научный труд был закончен в срок и получил высокую оценку среди ученого совета. Несколько почетных академиков РАН с напутствиями пожали мою руку, но я

не собирался почитать на лаврах. Преподавательская ставка, субсидии от ректората и командировки по конференциям – вот все, что мне обещала научная карьера. Совсем не об этом мечтал я в студенческие годы, зачитываясь историями о путешествиях моих предшественников-этнографов. И, словно следуя на поводу у мечты, моя судьба сложилась необычным, но все же, весьма предсказуемым образом.

Последние полгода, проведенные в городе среди шумных лекториев и унылых стен рабочего кабинета, уже успели покрыться пеленой забвения. Осталась в памяти радость того дня, когда из деканата пришло распоряжение направить меня работать на базу, где проходят практику студенты-этнографы. Мне выдалась возможность попробовать себя в новом амплуа. За пару месяцев, прожитых здесь, я чувствовал себя старейшиной собственного сообщества, хранителя и продолжателя академических традиций. Несмотря на то, что коллеги редко задерживались здесь дольше непродолжительного времени, мне удавалось находить благодарных слушателей в каждом студенческом отряде.

Наше сообщество сложилось на базе бывшего краеведческого музея, к которому были пристроены небольшие жилые корпуса. Экспозиция музея была посвящена старообрядчеству коми-пермяцкого округа, также там имелись экспонаты археологических раскопок, сложенные кучей в дворницкой. Главный зал был переоборудован в лекторий, где в неформальной обстановке проходили чаепития и торжественные

встречи. В наши задачи входило полевое изучение традиционной культуры региона – народные ремесла и хозяйственная деятельность крестьян, архитектура деревянных построек, сохранившиеся элементы общинного уклада, сезонные и религиозные праздники и т.д.

Полевая работа проходила в нескольких деревнях, разбросанных на небольшом отдалении от базы. Мне неоднократно приходилось бывать в каждой из них, местные знали нас и привыкли к нашим визитам. Отношение в целом было положительным, лишь иногда происходили конфликты на почве мелкого хулиганства со стороны студентов. Рабочие дни были у нас короткими, поэтому студентам хватало времени и на практику, и на развлечения. Мне приходилось следить за поведением своих подопечных, которые лезли за коноплей по чужим огородам и бессовестно разоряли малинники. Наука вряд ли могла служить им развлечением, но я пытался по мере возможности передать неопитам долю энтузиазма через свои повествования.

Увлечь полевой этнографией бездельников и лоботрясов казалось мне наивысшим профессиональным достижением. Я наизусть пересказывал целые абзацы из классических трудов Леви-Стросса и Рэдклифф-Брауна, вдохновлявших меня в студенчестве. Рассказывал о жизни Малиновского среди аборигенов Тробридианских островов и путешествиях Миклухо-Маклая к папуасам Новой Гвинеи. Вспоминал о своих коллегах и выдающихся сотрудниках нашей кафедры. По-

немногу я начал открывать в себе дар красноречия, немало-важный для каждого фольклориста. Мои рассказы об этнических культурах раскрашивались мифологическими сюжетами, а истории из жизни исследователей – комичными байками из копилки профессионального фольклора.

Мне нравилась роль эпического повествователя, которую я принял на себя в этом молодежном кружке. В окружении студентов я чувствовал себя непринужденно и позволял себе лирические отступления, которые застряли бы у меня в горле, будь я на кафедре перед строгой профессурой. Да и жизнь на базе достаточно благотворно влияла на мое внутреннее состояние. Кормили нас хорошо, хотя и немного однообразно, сон на свежем воздухе был спокойный и глубокий, а присутствие молодежи, в особенности юных девушек, внушало оптимизм и бодрость духа. Казалось, наконец найдено идеальное место для жизни, пусть только на летний сезон.

Июль тем летом выдался жаркий, и в конце месяца жара казалась утомительной. Мне доставляло удовольствие сидеть в тени раскидистой ивы и, перебирая страницы студенческих работ, воскрешать в памяти лица их авторов. За этим занятием меня застал вновь прибывший отряд, нарушивший тишину деревенской жизни звонкими молодыми голосами. Мы зашли в лекторий, где были сброшены с плеч рюкзаки, и студенты расположились вокруг меня в ожидании инструкции. Их было человек 15 – немалое число для небольшого

этнографического сообщества. Возможно, их собрали с разных вузов, а может среди них затесались историки и географы, выбравшие такой вариант досуга на время долгих летних каникул.

Обведя взглядом своих подопечных, я остановил внимание на двух девушках, стоявших немного в стороне от остальной группы. Они были одеты в свободные и пестрые одежды, не похожие на форменные костюмы студенческих отрядов. Вместо привычных для взгляда потертых джинсов, с их бедер свисали тонкие полупрозрачные шаровары. Волосы девушек были заплетены в африканские косички, которые неряшливо и задорно торчали в разные стороны. У одной из подруг был за спиной небольшой городской рюкзак, а у другой перекинута через плечо матерчатая сумка с разноцветным орнаментом, в центре которого красовался индийский тантрический символ «Шри Янтра». Этого снаряжения явно было недостаточно для жизни в полевых условиях, поэтому я осторожно поинтересовался о цели их визита.

В ответ я услышал смех и обрывочные фразы, из которых понял, что девушки едут автостопом на фестиваль и присоединились к группе в местном автобусе. Фестиваль еще не начался, а отсюда до места легко добраться за день, поэтому они решили провести время с нами. На мой вопрос, что за фестиваль они собираются посетить и где его местонахождение, ответ прозвучал интригующий. Название фестиваля было кратким и лаконичным – Кама Даршан. Проходил он,

как следовало из названия, на берегу Камы, но найти место без подробной карты, по словам путешественниц, казалось совершенно нереальным. Организаторы специально забрались подальше от крупных населенных пунктов, чтобы не привлекать посторонних. На мероприятии должны были присутствовать любители индийской культуры из разных регионов.

На этом месте я поспешил прервать рассказ, поскольку начал опасаться, что мои студенты заинтересуются идеей фестиваля и при первом удобном случае убегут туда с практики. Но сам решил продолжить общение позже, предложив девушкам пожить с нами на базе. Они легко согласились ночевать в музее, поскольку корпуса были переполнены, а о палатке, как видно было, путешественницы не позаботились. После совместного ужина и раннего отбоя, при благосклонности гостей, я мог рассчитывать на разговор тет-а-тет. На исходе дня я направился в лекторий, который обычно закрывался ночью на ключ, и сосредоточенно принялся расставлять по залу стулья. Девушки увлеченно беседовали о своей поездке и не обращали на меня внимание. Покашляв для убедительности и приблизившись к ним, я предложил познакомиться и представился по имени.

Девушки представились в ответ как Шанти и Савитри. Я не стал уточнять, были ли они посвящены в какую-нибудь индуистскую парампару или выбрали себе имена сами, как позже выяснилось – зря. Шанти, обладательница индийской

сумки, сразу оказалась в центре внимания. Легкая улыбка не сходила с ее лица, а наивные голубые глаза игриво щурились каждый раз, когда она собиралась о чем-то поведать. Голос у нее был чистый, звонкий, и временами я различал в нем детские интонации, которые, вкупе с не до конца оформившейся фигурой, сообщали о ее юном возрасте. Савитри казалась старше, хотя, возможно, причиной тому была привычка к курению, слегка огрубившая девичий облик. Манеры выдавали в ней характер амазонки – дикой и своенравной, а темные волосы, обрамлявшие худое точеное лицо, добавляли сходство с коренными жителями американского континента.

– Чем вы занимаетесь здесь на практике? – поинтересовалась Шанти. Я начал рассказывать о полевой этнографии, о старообрядчестве у русских и коми-зырян, а она слушала, приоткрыв рот и остановив на мне удивленный взгляд. Когда я закончил свою тираду, Шанти прищурилась и произнесла единственную фразу: – Вау, этнография – это так интересно! Савитри лишь ухмыльнулась и почесала космы на затылке. – Завтра мы едем в деревню Криволучье, – решил я немного перевести тему, – она в 18 км отсюда, автобус в 8.40. Поедете с нами? – Поедем! – произнесли подруги хором. – Ну что же, тогда до завтра, спокойных вам снов. С чувством выполненной миссии я оставил девушек отдыхать и удалился в свою подсобку, стоящую особняком на заднем дворе музея.

Наутро все собрались во дворе, как было условлено. Индийские гости запаздывали, но, заглянув в окно лектория,

я увидел, что они собираются в спешке. Автобус не спеша довез нас по пыльной дороге до места назначения, после чего наш отряд разбился на небольшие группы и разошелся по деревне в поисках информантов. В роли информантов обычно выступали бабки – хранительницы народных традиций. У меня имелся при себе списочек с адресами и именами информантов, которые были предупреждены о целях нашего визита и ничего не имели против сотрудничества. Для себя я держал на примете один старинный дом, в который уже наведывался прежде. Туда я пригласил зайти своих новых подопечных, и мы напрямик направились к потемневшему от времени фасаду, видневшемуся неподалеку.

Дом принадлежал семейству Спиридоновых, осевших в деревне несколько поколений назад. Теперь здесь доживала свой век бабка Евдокия Никитишна – последняя из рода – старая дева и старообрядчица. Характер у дамы, конечно, был не из простых, но я успел найти к ней подходы. Дед у Евдокии был известным раскольником, проповедовавшим на селе старую веру, она унаследовала от него псалтырь, написанный от руки еще до патриарха Никона, и несколько оригинальных неканонических икон. Вручив хозяйке кулек со снедью, припасенный для подношения, я уверенно вошел в ее царство темной архаики, подзывая застывших на пороге девушек. Казалось, Евдокия была рада нашему визиту и даже вызвалась приготовить на всех чаю. Пока старуха хлопотала у самовара, мы остановились напротив массивного ал-

таря, в устройстве которого удалось обнаружить несколько любопытных деталей.

– Посмотрите сюда, – одним взглядом я указал на старинную икону, имевшую форму геометрически правильной мандалы. Слово «мандала», заимствованное мной из индийской сакральной геометрии, плохо соотносится с христианской иконографией, но я не сомневался, что выбрал подходящее понятие. Икона изображала солнце с расходящимися во все стороны лучами, в центре располагалось око, вписанное в треугольник. С четырех сторон ее углы венчали свастики, также свастический орнамент просматривался внутри изображения. После великой отечественной войны такие иконы конфисковывали без суда и следствия, как помеченные фашистским знаком, но Евдокия сумела сохранить дедово наследство. – Вот, перед вами древнеславянский солярный символ – ярко косматый, он же ковыль или огнивец, более известный под своим индийским именем – свастика... – козырнул я перед девушками своими познаниями.

Ход оказался удачным – девушки были заинтригованы сделанным открытием и попросили показать, как выглядит индийская свастика. Я достал из портмоне лист бумаги и начал вычерчивать на нем известные мне виды свастик – индуистскую, джайнскую, буддистскую. Все, включая Евдокию Никитишну, заморожено следили за этим магическим процессом. Дополнив иллюстрации комментариями на тему ритуального и обыденного использования символа, я был го-

тов углубиться в его этимологию, но вовремя остановился, чтобы не запутать неподготовленных слушателей. По прищуренным глазам Шанти я понял, что она хочет спросить что-то важное: – Откуда ты столько знаешь об Индии? И, правда, подумалось мне, как объяснить этим юным особам, откуда заурядный ученый, живущий в российской глубинке, так близко знаком с далекой и загадочной индийской культурой?

На удивление самому себе, я не стал пускаться в пространные объяснения, а ответил кратко: – Я жил среди индуистов в деревне Мокша. Вам не доводилось слышать о ней? Похоже было, что я произнес тайное заклинание, от которого вот-вот начнут двигаться стены, и даже бабка Евдокия перекрестилась по старообрядчески и удалилась, верно оценив конфиденциальность ситуации. Шанти и Савитри переглянулись, потом устремили глаза на меня и принялись сканировать взглядами, словно видя впервые. Вскоре стало ясно, что они ищут знаки моей принадлежности к секте. Четки-мала, намотанные на руку или бусы-рудракши на шее, татуировки с индуистскими символами или следы от тилак, браминский шнур под рубашкой или сама рубашка с едва заметной биркой «мэйд ин Индия»... Ничего из этого, никаких внешних атрибутов не было на моем теле. Когда это стало очевидно, взгляды расслабились и посыпались вопросы.

Я воскресил в памяти даты моего пребывания в Мокше, несколько крупных фестивалей и религиозных церемоний,

имена ближайших населенных пунктов и прозвища выдающихся односельчан. Подруги объявили себя ученицами Свами Шанкары, который построил собственный ашрам в Самарской губернии и несколько раз приезжал оттуда в Мокшу с визитом. Однажды и девушкам довелось присутствовать там вместе со свамиджи. Я смутно помнил тот день и не был уверен, что мы встречались, но тот факт, что мы присутствовали вместе на одном событии, делал нашу нынешнюю встречу не случайной. Мы сошлись на мнении, что судьба свела нас не без причины и тому предшествовали кармические связи. У меня не было личных отношений с Шанкарой, но мой гуру Васудева любил выпить с ним чаю и отзывался о нем как о достойном человеке. Девушки постарались заверить меня, что их гуру достойнейший из живущих, с чем я поспешил согласиться.

– Тебе нужно поехать с нами на Каму, свамиджи собирается приехать туда в начале августа, – без тени сомнения сказала Шанти. Я не нашелся, что ответить и едва заметно пожал плечами, изобразив неуверенность. – Если с нами не получится, приезжай позже, – продолжала Шанти, – фестиваль длится 21 день. Мы нарисуем тебе карту. – Она была права, мне следовало оказаться там, сама судьба звала меня на этот фестиваль. Но в тот момент я чувствовал сильное сопротивление внутри и, чтобы не выдать его, лишь пожимал плечами, глупо улыбаясь. – Видите ли, я буду занят с группой на практике, – нашел я подходящий аргумент, па-

раллельно рассуждая, что в конце месяца все разъедутся и, вероятно, у меня появится свободное время. – Есть время подумать, – заговорщически прикрыв рот ладонью, шепнула мне Савитри.

Вечером на мой стол легла хорошо отрисованная карта фестиваля, украшенная свастиками, сердечками и омчиками, а утром следующего дня индийские гости отбыли, оставив меня в предвкушении следующей встречи. Жара продолжалась еще несколько дней, но затем погода сменилась, и ветер стал подтягивать дождевые облака. Менялось и внутреннее состояние – сон долго не приходил, а с наступлением приносил возбуждающие видения обнаженных женских фигур, танцующих под дождем, поля с колосящейся травой, местами примятой телами совокупающихся пар. Мне снились апокалипсические сцены надвигающихся цунами и снежные лавины, сходящие с гор. Однажды я проснулся во время грозы и ощутил озноб, проходящий волнами по телу, чувство жара при этом сменялось чувством холода. То, что происходило, не было симптомами болезни, напротив, я чувствовал необыкновенный прилив сил. Но на фоне обыденной жизни это переживалось как дисбаланс, неуравновешенное состояние.

В дневное время суток я занимался привычными делами, и это помогало поддерживать душевное равновесие. Внешне ничего не изменилось, за исключением того факта, что мой исследовательский энтузиазм внезапно начал иссякать,

и роль корифея наук и наставника молодежи больше не приносила мне вдохновения. В последних числах месяца я выпустил студентов по домам. Это произошло на несколько дней раньше, чем предполагалось, поскольку в мыслях я был уже не с ними и торопился покинуть базу. Утром второго августа я запер музей, оставил ключ сторожу и сел в автобус, следующий до ближайшего райцентра. На базе отыскалась старая финская палатка, которая стала моим пристанищем на время жизни в лесу. Небольшой запас провианта, купленный в Сельпо у автостанции, мог обеспечить мне несколько дней автономного существования.

Пересев в Сосново на автобус до Елово, на закате дня я добрался до пункта назначения. Сойдя с автобуса на повороте, как было отмечено на карте, я направился пешком по лесной тропе, куда указывал неприметный знак с буквами КД. Консервные банки перекатывались у меня за спиной, а ноги цеплялись за опутавшие тропу сосновые корни, но вопреки выпавшим на мою долю неудобствам, я спешил отыскать лагерь до захода солнца. К счастью, мне это удалось, и после трех километров трекинга я увидел первые признаки жизни, а следом передо мной открылась фестивальная поляна, расположившаяся на опушке леса. Сразу за опушкой начинался песчаный склон, переходящий в густой кустарник, обрамляющий берега Камы.

На поляне виднелось несколько больших шатров, между которыми сновали люди в разноцветных нарядах. Вскоре вы-

яснилось, что они стекаются к главному шатру, внутри которого происходит какое-то действие. Не мешкая, я направился туда. Протиснувшись сквозь толпу зевак, обступивших вход, я попал во внутреннее пространство, имевшее форму полусферы. В эту форму вписывался круг сидящих на земле людей. Люди держали друг друга за руки, создавая живую цепь, в которой аккумулировалась общая энергия. По знаку ведущего, занимавшего позицию в центре круга, раздался хор сотни голосов, сначала нестройных, но постепенно гармонизирующихся, входящих в резонанс и взаимно усиливающих друг друга.

Хор рецитировал слог «ом», звучащий без пауз и порождающий непрерывную звуковую вибрацию. Мне удалось втиснуться в круг между subtilной девушкой и долговязым юношей, заглушающим окружающих своим утробным басом. Пробежав взглядом по кругу, я увидел Шанти, сидящую с самозабвенным видом. Ее глаза были закрыты, и мне тоже пришлось зажмурить свои, чтобы сохранить концентрацию. На время она пропала из поля зрения, а когда ритуал завершился, я замешкался у выхода, пытаюсь достать свой рюкзак, и окончательно потерял ее из виду. Выйдя из шатра наружу, я оказался в темноте, незаметно опустившейся на поляну. Местами пространство освещал электрический свет, пробивавшийся из шатров, а кое-где из темноты вырывалось пламя костров, обозначивших места стоянок.

Искать Шанти в ночном лесу было бессмысленно, поэто-

му я решил поставить палатку на каком-нибудь освещенном месте и направился вглубь опушки мимо палаточных лагерьей. Замедлив шаг около одного из них, я принялся аккуратно перешагивать через веревочные растяжки и услышал оклик. Посчитав его достаточным поводом для начала общения, я приблизился к костру. – Намасте, – приветствовали меня сидящие у костра люди. – Намасте, люди добрые, – ответил я по старой мокшанской привычке. Мои слова были встречены одобрительными улыбками и новые знакомые предложили мне присоединиться к их кругу.

Я пристроился у костра с чашкой чая, наполненной из коптящегося в дыму сосновых поленьев кана, и вскоре собравшиеся продолжили разговор, прерванный моим появлением. Тема беседы вызвала во мне живой интерес – она касалась этимологии слова «кама», давшего имя фестивалю. В буквальном переводе «Кама Даршан» следует понимать как «Встречу на Каме», но «даршан» в индуистской традиции обычно происходит с божеством, и Кама – бог любви, также хорошо подходил здесь по смыслу. В индийской мифологии Кама относится к числу полубогов, но в «мире желаний», где мы живем, он является глубинной и всепроникающей движущей силой.

Беседа постепенно переходила в игру в ассоциации. Вслед за Камалокой пришла на память Камасутра. По кругу пошел пакет с печеньем, кого-то посетила мысль открыть банку сгущенки. Я решил поделиться своими запасами и, порывшись

в рюкзаке, извлек оттуда банку со сладким лакомством. – Давай ее сюда, я открою, – обратилась ко мне милостивая девушка, которую звали Лакшми. Приняв сгущенку из моих рук, она поинтересовалась: – Ты один сюда приехал? – Да, мне нужно найти своих друзей, они должны быть в лагере Свами Шанкары, – ответил я. – Найдешь его завтра, какие проблемы, – с уверенностью сказала Лакшми.

После этой фразы я решил вкушать сладость походного сна, и начал искать подходящее место под палатку. Давала о себе знать усталость после долгого пути. Сон пришел быстро, хотя место оказалось не очень ровным – то и дело в бока упиралось что-то твердое. Наутро я проснулся рано и, выглянув наружу, увидел, как лучи солнца пробиваются сквозь кроны деревьев. Костер испускал тонкие струи дыма, поднимающиеся вверх по одному из падающих лучей. Появилось желание размять конечности, и я решил прогуляться к реке. Вода в Каме была прохладной, а течение быстрым. Солнце еще не успело прогреть воздух, и я не решился снять одежду, чтобы совершить омовение, ограничившись умыванием лица.

Найдя небольшую утоптанную площадку возле купальни, я занялся йоговской практикой, подзабытой в последнее время. Тело гнулось с трудом, в мышцах не хватало гибкости, и с непривычки слегка кружилась голова. За этим занятием меня застала Савитри, спускавшаяся к реке с большим походным котлом в руках. – Ом намо Нараяна, – ска-

зала она. – С приездом! Я приветствовал ее в ответ, отве-сив земной поклон и прогнувшись до пределов своих воз-можностей. Савитри усмехнулась, зачерпнув воды в котел, и принялась отмывать его речным песком. Поспешив закон-чить свою утреннюю гимнастику, я поинтересовался, где на-ходится их лагерь, для убедительности добавив, что ищу ме-сто для стоянки. – Здесь, неподалеку, – махнула рукой Са-витри. – Иди за мной.

Мы проследовали через заросли кустарника и, миновав пару лагерей, зашли в рощу орешника, за которой откры-лась уютная поляна. Я предвкушал встречу с Шанти, но, как выяснилось, она ушла на утреннюю практику, и теперь мне предстояло знакомство с лагерем и его обитателями. На поляне был установлен большой белый шатер, вокруг него располагалось несколько палаток, еще несколько стояло по-одаль, в тени ореховых ветвей. На ветвях были развешаны разноцветные флажки, а входы в шатер закрывали длинные индийские полотна. Савитри принесла котел к костру, где сидели двое молодых людей, перебиравшие пакеты с едой и, видимо, собиравшиеся готовить завтрак. Я подошел к ним, представился, сложив руки в «намасте» и присел на корточ-ки. Молодые люди отвлеклись от своего занятия и окинули меня взглядом.

Савитри представила меня: – Это наш друг, учитель. – А чему он учит? – спросил человек с густой щетиной на заго-релом лице. Немного поразмыслив, я ответил: – Мой пред-

мет антропология, я изучаю человеческую природу и способы совместного существования людей. Учю студентов по академическому курсу лекций. – Ага, значит браманической специальности человек, – прокомментировал второй, с рыжей бородой и белой панамой на голове. Не найдя что ответить, я едва заметно кивнул головой. Молодые люди оказались основателями лагеря, они приехали на это место еще до начала фестиваля и помогали в его организации. Рыжебородого звали Суджат, а его товарища Виджай. На фестиваль они попали прямо из ашрама Свами Шанкары и теперь готовились к его прибытию.

Тем временем стали вылезать из палаток заспавшиеся жители. Котел водрузили на треногу с подвешенным крюком и начали готовить кашу. Я определил место под свою палатку и поторопился отправиться за ней, чтобы успеть к завтраку. Солнце уже поднялось высоко, фестиваль оживал, и пространство наполнялось разнообразными звуками. Мой вчерашний лагерь пустовал, видимо люди еще спали или ушли по своим делам. Я собрал пожитки, упаковал палатку и выдвинулся на новое место. Проходя через большую поляну, я задержался посмотреть на группу людей, выполняющих йогические асаны на фоне полноводной Камы. В их числе удалось обнаружить Шанти, и, остановив на ней взгляд, я очаровался плавностью движений юного тела.

Шанти поймала мой взгляд и, повернувшись ко мне, радостно замахала руками. За время короткой паузы, знака-

ми она успела показать, что занятия подходят к концу и мне нужно ее дождаться. Забыв про завтрак, я сбросил с плеч рюкзак и уселся на землю в ожидании. После заключительного цикла асан вся группа приняла лежачую позицию и застыла в глубоком расслаблении. Закрыв глаза, я мысленно присоединился к этому медитативному процессу. Вскоре на меня опустилось умиротворение, и я погрузился в него, потеряв счет времени. Сквозь окутавшую сознание дрему я почувствовал прикосновение к ладоням, и его тепло потоком разлилось по моим конечностям. Открыв глаза, я увидел перед собой Шанти, которая держала меня за руки и улыбалась. Короткий миг мы смотрели друг на друга, не разжимая рук, потом она потянула за собой, и от этого усилия наши ладони разнялись. – Пойдем, я покажу тебе наш лагерь, – сказала она.

Весь день я наслаждался общением с Шанти, мы прогуливались по территории фестиваля и посещали разные мероприятия. Вокруг происходили занятия и семинары, люди делились друг с другом знаниями и приобретали новый опыт. Тем временем наш лагерь готовился к приезду Шанкары. Я успел послушаться разных историй об этой личности. Рассказывали, что раньше он занимался предпринимательством, но достиг самореализации через тантрическую практику и отказался от всех материальных благ. – Завтра сважди будет проводить Дурга-пуджу, а на следующий день будет ягья, – сообщила мне Шанти. – Это очень мощная очи-

ститительная практика, нам нужно подготовиться к ней заранее. – Что нужно делать? – поинтересовался я наивно. – Поститься от рассвета до заката, повторять мантры Дурги и совершать омовения в Каме, – быстро и без запинки ответила Шанти.

Практика началась на следующий день сразу после пробуждения. Я вылез из палатки в предвкушении встречи с чудесным, осмотрелся по сторонам и остановил свой взгляд на фигуре Шанти, сидящей в медитации на лесной опушке. Она была закутана в теплую гималайскую шаль и, очевидно, проснулась еще до рассвета – это время считается самым благоприятным для медитативных занятий. Приблизившись к шатру, я увидел рядом с ним Савитри, украшавшую вход собранными на заре полевыми цветами. Остальные жители лагеря также были заняты своими делами, но завтрак никто не готовил – очевидно, все постились перед пуджей. Я спустился к Каме и, с возгласом «джей Дурга Ма», трижды окунулся в ее прохладный поток.

Посчитав, что этого достаточно, я задержался погреться на солнышке среди кустов, окружавших купальню. Несколько минут спустя показалась Шанти, которая, не замечая моего присутствия, сбросила с себя одежду и обнаженная вошла в воду. Она сложила ладони в молитвенном жесте и, зачерпнув в них воду, подняла над головой. Ниспадающие капли заструились по ее волосам, увлажнили лицо и устремились по шее на приподнятую грудь. Я зачарованно наблюдал как

речная вода, подобно утренней росе на цветах, касается кожи юной девы, и эта картина казалось мне священнодействием. Дурга-пуджа началась для меня в тот самый момент, и она предназначалась только для моих глаз.

Мне приходилось слышать о том, что некоторые женщины отождествляются с Шакти – божественной энергией, слияние с которой приносит освобождение. Некоторые из них перевоплощаются в Кали, безудержную супругу Шивы, свободную от моральных ограничений. Другие принимают образ Радхарани и увлекаются лилой Кришны, в которой видят себя его кроткой возлюбленной. Для меня образ Шакти был чем-то туманным и неоформленным до того времени, как она предстала передо мной в водах Камы. Осознание того, что Деви заигрывает со мной, приняв обличье земной девушки, полностью захватило мое воображение.

Пока я представлял себя на месте Кришны, крадущего одежду у купающихся гопи, Шанти вышла из воды, закуталась шалью и ушла в направлении лагеря. Мне потребовалось время, чтобы собраться с мыслями, после чего я вышел из своего укрытия на поляну. Там я набрал букет цветов, бережно завернув его в кусок индийской ткани. Это был трофей из Мокши, попавший туда с прилавка делийского базара, и я хранил его как ценный артефакт. Теперь ему предстояло стать подношением, которое я собирался принести в дар богине. Окрыленный этой идеей, я вернулся в лагерь, но мой взгляд напрасно искал там Шанти, она больше не показыва-

лась на виду. Окликнув Савитри, я поинтересовался, куда пропала ее подруга. Савитри многозначительно посмотрела на меня и, выдержав короткую паузу, сообщила, что Шанти отправилась встречать свамиджи, который едет на фестиваль из ашрама.

– Ты из-за нее сюда приехал? – неожиданно спросила Савитри со свойственной ей прямолинейностью. Я замешкался с ответом, но видимо он читался на моем лице. – Забудь о ней, она предана Шанкаре, он для нее воплощение Махешвары. – Приподняв брови, она направила взгляд в небо и вполголоса зашептала шестислоговую мантру, тем самым прерывая наш диалог. У меня был некоторый опыт общения с тантрическими гуру, и он подсказывал, что часто под прикрытием духовности они занимаются соблазнением наивных девушек. По этой причине, а возможно и не только по этой, в отношении к Шанкаре у меня заведомо сформировалось предубеждение. Мое сознание будоражили достаточно противоречивые эмоции. Я испытывал разочарование в учении индуизма с его концепцией о безусловном авторитете гуру, но по-прежнему был влюблен в индийский миф, живым воплощением которого для меня явилась Шанти.

Я отдавал себе отчет, что моя судьба прочно связана с Санатана Дхармой, и божественная игра не зря приводит меня в места, подобные этому. Но меня более не привлекали игры в просветление, объединившие собравшихся здесь людей, всего этого я вдоволь насмотрелся в Мокше. Следуя на

поводу у исследовательского духа, неизменно живущего во мне, я стремился проникнуть в самую суть происходящего, найти источник, питающий жажду духовности. Все указывало мне на то, что этим источником служила любовь, и высшие силы удостоили меня получить ее даршан. Любовь сама по себе была для меня в своем роде исследовательским экспериментом, ибо в жизни мне приходилось сталкиваться с ней не часто. И если любовь есть Бог, как утверждали сведущие люди, то эта реальность, вопреки духовным поискам, оставалась для меня непостижимой.

За этими мыслями ход времени оказался незаметным, и я вспомнил о нем, когда солнце начало приближаться к зениту. Лагерь был готов к приему свамиджи, все отдыхали в ожидании. О его прибытии возвестил хор женских голосов, воспевающих гуру-мантру. Свами Шанкара твердой походкой приблизился к шатру и начал обмениваться с людьми приветствиями. Шанти сопровождала его с лучезарной улыбкой. Ученики и последователи, соблюдая очередность, подходили к свамиджи за благословением, сочувствующие стояли в стороне, смиренно сложив ладони. Присоединившись к ним, я принялся наблюдать за процессом, попутно изучая взглядом личность Шанкары. Его внешность в действительности отдаленно напоминала Шиву, каким его обычно изображают индийские живописцы.

Длинные волосы были завязаны в пучок на затылке, осанка свидетельствовала о хорошем тоне в позвоночнике,

рудракши, свисающие с шеи, фактурно обрамляли массивную грудную клетку. В лице свамиджи проглядывалось что-то восточное, но по нему сложно было определить национальность. Постояв в стороне, я решился подойти к почетному гостю с приветствием, но в этот момент он раскланялся с очередным саньясином и поспешно удалился в шатер. Шанти оставалась снаружи, и я мог бы подойти к ней, но воздержался от этого действия. Внутри появилось явственное чувство разделения – одна часть меня пассивно принимала происходящее, тогда как другая испытывала сильное сопротивление.

«Кто плывет по течению, никогда не достигнет источника» – неожиданно пронеслись в памяти напутственные слова Васудевы. Я повторил их в уме, смакуя мудреную речь гуруджи и примеряя на себя ее смысл. Тем временем, столпившийся у шатра народ стал постепенно проникать внутрь. Новость о прибытии Шанкары быстро разлетелась по фестивалю, и количество людей в нашем лагере заметно увеличилось. Затесавшись в толпу, я нырнул под полотно, закрывающее вход, и поспешил занять место в шатре. Шанкара восседал на куске шкуры около выложенного камнями очага, приготовленного для яги. За ним находился алтарь, куда были установлены реликвии, привезенные из ашрама – миниатюрный лингам, фигурки божеств, фотографии святых. Он хранил молчание и смотрел прямо перед собой, время от времени обводя взглядом публику.

Наконец, шатер наполнился, и в пространстве разнесся звон колокольчика, следом за которым послышалось приглушенное пение мантр. Исполнив ритуал, свамиджи обратился к публике с речью. Вопреки предубеждению, его слова с первых слов встретили отклик в моем уме, а голос действовал успокаивающе. – Мы собрались здесь для того, чтобы провести пуджу богине Дурге и получить тантрическое посвящение. Чем привлекательна для нас тантра? Обычно люди обращаются к ней с целью найти любовь и просветление. Сложно сказать какая из этих двух целей важнее, но в тантре обе достигаются одновременно. Этот путь приводит нас непосредственно к нашей сущности, а Дурга олицетворяет силу, оберегающую от опасностей на пути. Тантрическая практика требует смелости – нужно быть готовыми встретиться со своими страстями и преодолеть их.

Я достал из сумки кассетный диктофон, на который записывал интервью во время полевой работы и включил его на запись. Что-то невыразимое в личности Шанкары казалось мне знакомым, и я пытался уловить это в его голосе и жестах. Тем временем он продолжал свою речь. – В кашмирском шиваизме есть одна интересная концепция, которая относится к числу так называемых недвойственных учений. Она утверждает, что наша истинная сущность едина с Шивой, но скрыта завесой Махамайи – Великой иллюзии. Это заставляет нас искать любовь вовне, чтобы пережить момент единства, ибо она обладает йогическими свойствами – любовь соединяет.

Так проявляет свое действие Шакти, по воле которой творится иллюзорный мир. Но Шива пребывает за гранью этого мира и его можно обнаружить, только если искать любовь внутри себя.

Шанкара сделал паузу, обводя взглядом аудиторию. Его слова произвели очевидный эффект, в шатре стояла звенящая тишина, все внимание было направлено на него. Он продолжил: – Мы поклоняемся богине Дурге, потому что в ней сосредоточена божественная сила Шакти, разрушающая препятствия на духовном пути. В Деви Махатмьям она именуется лодкой, переправляющей через океан бытия. Только ей под силу побороть демонов, порожденных нашими невежественными желаниями. Каждый может обратиться к ней, ибо она отзывчива и милосердна, и как мать проявляет заботу о всех своих детях. В то же время, как женщина она должна быть удовлетворена, и со своей стороны мы должны совершать поклонение с преданностью и любовью.

Внимание богини легко заслужить регулярными жертвоприношениями и подношением даров. Возможно, вы слышали, что в индийских храмах ей в жертву приносят животных, но мы не будем проливать кровь живых существ, а предложим то, что дорого нашему сердцу. Дурга примет каждую жертву, главное жертвовать бескорыстно. Подойдет любой предмет, но в особенности она любит цветы и красивые ткани. Вы можете сложить свои подношения у алтаря, сейчас здесь начнется пуджа, и мы освятим их. – По знаку свами-

джи его ассистент расстелил перед алтарем кусок красной материи, вскоре к нему стали подходить люди и оставлять священные дары.

Я засунул руку в сумку, нащупал там сверток с утренними цветами и вспомнил о Шанти. Ее не было в первых рядах среди учеников Шанкары и, обведя шатер взглядом, я не обнаружил ее присутствия. На мгновение мне представилось, что ее не существовало на самом деле, а наша встреча была игрой моего воображения. Почувствовав облегчение, я возложил свой дар на алтарь Дурги. – Ом Шри Дургарпанам асту! Да будет все пожертвовано Дурге! – возвестил голос Шанкары о начале пуджи.

Эпизод 6. Былины и пураны

Я проводил дни на берегу Мокши в ожидании духовной трансформации. Образ Деви не переставая будоражил мое сознание и наполнял тело энергией, которая заставляла блуждать из места в место, пока однажды я не нашел прибежище в живописном уголке рязанской области. Остановившись на ночлег у реки рядом с полузаброшенным селом, я испытал приятное умиротворение, которое погасило

мой пыл, а впоследствии заставило задержаться там надолго. Спустя время, я принял решение уединиться от мира в этой глухой рязанской деревне и предаться там духовной практике – садхане. Свою садхану я посвятил Ей – Шри Ади Шакти.

Переезд в деревню не занял много времени. В дорогу я собрал вещи первой необходимости и небольшую библиотеку с индийской литературой. Выбрав пустующий дом на берегу мистической реки, я поселился в нем по приглашению живущей по соседству пожилой женщины. Из местных жителей рядом жили только пенсионеры – одна семейная пара и две одиноких старушки. Иногда в деревню наведывались дачники, чтобы провести выходные и вернуться назад в свои городские квартиры. К моему появлению в деревне поначалу отнеслись с недоверием, но когда выяснили, что я не беглый зэк, а просто чудаковатый ученый – быстро приняли за своего.

Первой ко мне прониклась симпатией баба Настя, показавшая мое будущее жилище. В благодарность я помогал ей по хозяйству, привозил продукты и лекарства. У меня появилось немало хозяйственных забот, в которые я окунулся с не меньшим энтузиазмом, чем прежде нырял в священные тиртхи. Нужно было залатать ветхую кровлю до наступления холодов, утеплить дом. Иногда приходилось совершать поездки в райцентр по делам, но обычно мне не хотелось покидать своего уединенного пристанища. В хозяйстве нашлась старая лодка, на которой я совершал медитативные речные

прогулки. Спуская лодку на воду, я невольно задумывался о том, что освобождение рядом, но я лишь скольжу по его поверхности. Или просто наблюдаю со стороны – словно слежу за течением реки, не погружаясь в ее поток.

Глядя с лодки в прозрачную воду Мокши, я видел отражение неба над своей головой, и мое собственное лицо растворялось в красках заката. Колебания ума прекращались вслед за волнами, оставленными лодкой на глади воды, и я плыл по течению в полном безмыслии. Порой я словно сливался с окружающим пространством, точнее сказать пространство само заполняло меня цветами, запахами, звуками, не оставляя места для мысленной активности. Обычно я возвращался к берегу уже затемно, стараясь растянуть во времени это медитативное переживание. Ничто не тревожило меня в такие моменты, и чувство безмятежности шлейфом тянулось за мной после речных прогулок.

Периодически мое состояние менялось от ощущения наполненности жизни к моментам острого одиночества. Чтобы отогнать тоску, я взял за привычку проводить вечерние пуджи на импровизированном алтаре, который постепенно дополнялся разными элементами. Я вырезал из дерева фигурки божеств и даже соорудил подобие лингама из речного камня. Ритуальный колокольчик, найденный в сарае, достался мне в наследство от какой-то местной коровы, а подсвечник для огненной церемонии «арти» я соорудил из кусков жести. Пение мантр помогало мне выйти за пределы ма-

ленького осиротевшего «я» и воссоединиться с Вселенной. Пространство активно резонировало мне в ответ – оконное стекло тихо звенело, ветер шуршал по крыше, гулко ударяя по частям отвалившейся кровли, со двора доносились разнообразные звуки живой природы.

Пробираясь в ночном сумраке через сени своей избы, я представлял себя в гималайской пещере, которую выбрал жилищем по примеру отшельников и аскетов. Временами, погружаясь в медитацию, я переживал чувство тотальности, которое сопровождало меня и в последующее время. Казалось, я уже не от мира сего, мое тело покрывает пепел погребальных костров и единственная цель моего существования – это поиск духовного освобождения. В таком настроении я упорно продолжал свою практику. Воскрешая в памяти чувство, наполнившее меня любовью к Деви, я преисполнялся вирья-бхавой и утверждался в решимости продолжать садхану, шаг за шагом приближающую меня к состоянию Шивы. Как истинный шакта, я повторял строфы из Деви Махатмьям и совершал подношения Богине.

Семена Мокши, упавшие на почву моего сознания, незаметно прорастали, питаемые силой санкальпы освобождения. Пребывая в уединении, в отрыве от социальных отношений, я слой за слоем отделял от сознания иллюзии, подтапливая ими жертвенное дхуни Майя-Деви. Переосмысливая полученный опыт, я наблюдал, как разматывается клубок моих влечений, следуя за которым я пытался найти вы-

ход из лабиринта сознания. Подобно сказочному герою, в поисках приключений покинувшему ритуальный социум, я двигался в неизведанное, и единственным проводником на этом пути мне служило мистическое видение. По мифологическому сценарию, мне предстояло возвращение из тридевятого царства, символизирующего мистическое состояние сознания. Знаки на пути и волшебные помощники, встречающиеся в трудных ситуациях, внушали надежду на благополучный исход этой мифодрамы.

Досуг я проводил за чтением пуран – древнеиндийских мифологических сказаний, чередуя их философскими трактатами веданты и кашмирского шиваизма. Листая сборник пуранических сказаний издательства «Восточная литература», я устремлялся вниманием в направлении Восточной Индии, где появились на свет шактистские пураны. В пуранах Деви упоминается под именем Видьи, которое переводится с санскрита как «ведение» или «мистическое знание», рассеивающее невежество и являющееся непосредственной причиной духовного освобождения. Но одновременно с этим она известна как Майя – иллюзорная энергия Шакти, одновременно скрывающая истинную природу мира и помогающая этому миру проявиться во всем своем многообразии. Этот дуализм в действительности является отражением Единого, именуемого на санскрите «экам сат», создающего иллюзорную реальность как инструмент самопознания.

Другими словами, познание иллюзии является шагом к

познанию недвойственной природы Абсолюта, так как она выступает одновременно фундаментальной причиной неведения – «авидья» и путем освобождения от него. Знание – это иллюзия, а иллюзия – это знание. Познать иллюзию можно только полностью погрузившись в нее. И чем глубже это погружение, тем более многомерной и многоликой она оказывается. В тантрах и пуранах встречаются истории из жизни божеств и людей, демонстрирующие влияние Майи. Они переходят из одной жизни в другую, погружаясь в иллюзорную реальность и забывая себя. Следуя мифологическому сценарию, они исполняют свои роли в космической игре, чтобы однажды выйти из нее и получить опыт пробуждения.

В пуранах я искал символические координаты для маршрута своего внутреннего путешествия. Как и в других сакральных мифах, герои индийских мифологических сказаний путешествуют в поисках духовного центра. Географически такой центр обычно располагается в труднодостижимом месте – на высокой горе, далеком острове, в глубокой пещере. В психологическом понимании, такие места могут служить архетипами возвышенных состояний, изоляции от внешнего мира или погружения в глубины собственной души. В финале мифологического путешествия героев ждет триумф и обретение сокровища, но этому предшествуют испытания, связанные с возвращением из бездны, пещеры, выныриванием из колодца, котла и т.п.

В Деви Бхагавата пуране описывается жемчужный остров

Манидвипа, расположенный в океане нектара. Как и в легендах других народов, посещение чудесного острова связано с метаморфозой, которую неизбежно переживает всякий, достигший его. Земля жемчужного острова, подобно античным Островам блаженных, шумерскому Дильмуну и кельтскому Авалону, не знает болезней и смерти и имеет символический белый цвет. Сакральным центром острова служит дворец из драгоценного камня Чинтамани – местопребывание Великой Богини. В русских фольклорных текстах сходный образ описывается на языке заговоров: «На море на окияне, на острове Буяне есть бел-горюч камень Алатырь. Под тем камнем сокрыта сила могуча и силы нет конца».

Адепты Санатана Дхармы без труда узнают в бел-горюч камне джьотирлингам – «лингам из света», один из самых почитаемых культовых объектов для индуистских паломников. Но в отличие от лингамов, локализованных в пространстве, местоположение Алатыря остается загадкой, поскольку он находится в мифологическом пространстве и времени, имеющем существенные отличия от географического. Мифологическое пространство – это пространство души и его координаты можно измерить только верстовыми столбами внутреннего опыта. Кроме того, по описанию, бел-горюч камень скрыт от глаз на таинственном острове Буяне и стоит там «никому не ведомый». Таким образом, в психологическом контексте Алатырь символизирует внутренний ресурс, источник энергии, запрятанный в глубинах души.

Скрытый внутренний ресурс и является тем сокровищем, на поиски которого отправляется мифологический герой. Символы могут различаться, но суть остается той же и красной нитью проходит через сказания разных эпох и народов. Постигая ее, я приближался к созданию личной мифологии, в структуре которой видел разгадку своего внутреннего путешествия. Ее краеугольным камнем стал для меня курган, обнаруженный на окраине деревни. В моем сценарии он исполнил роль сакрального места, в поисках которого я был отправлен судьбой по мифологическому маршруту. Сама его форма словно указывала на потаенное внутреннее содержание, а отношение к погребальным сооружениям – на связь с миром иным.

Курган заметно возвышался над окружающим ландшафтом и оставался практически лишенным растительности. От местных я узнал, что в свое время здесь побывало немало желающих раскопать его содержимое. Баба Настя поведала мне, что во время Великой Отечественной войны через деревню проходили нацисты, которые проводили здесь археологические раскопки. А позже на их место пришли археологи и кладоискатели, искавшие амуницию немецких солдат, замерзших в лесах Рязанщины суровой зимой сорок первого года. Заинтересовавшись рассказом соседки, я посетил местный краеведческий музей во время поездки в райцентр. Там удалось найти развернутую информацию на эту тему.

По историческим сводкам курган предположительно при-

надлежал к рязано-окской археологической культуре. В первые века нашей эры она занимала обширную территорию в Волго-Окском междуречьи. Археологические экспедиции в этом районе проводились пару десятков лет назад по программе мелиоративных работ, но в целом пойма Мокши была исследована слабо. Незадолго до вторжения немецких войск в Москву, сюда была направлена специальная археологическая экспедиция, организованная нацистской оккультной службой Аненербе. Как известно из хроник Третьего Рейха, эта организация занималась поиском мистических артефактов, которые предполагалось использовать в качестве оружия мирового господства. Экспедиции Аненербе неоднократно снаряжались в отдаленные области Индии и Тибета. Что мог таить в себе рязанский курган, ставший причиной гибели немецких солдат под Рязанью, – оставалось загадкой.

После ритуального обхода кургана и беглого исследования территории, я принял решение основать в этом месте ашрам. Но прежде чем будет заложен первый камень, мне предстояло подготовить его в соответствии с индуистскими предписаниями. Установив на вершине кургана алтарь и постелив рядом коврик для медитации, я погрузился в молитвенное созерцание. Время словно остановилось, оставив меня наедине с Шри Ади Шакти. Направляя к ней свое внимание, я наслаждался общением с внутренней энергией, познавая ее многочисленные грани. Больше не было нужды проводить громогласные пуджи и кричать Вселенной о своем существова-

нии, она сама стала перетекать в меня. Я чувствовал ее всеми клетками тела и наблюдал за процессом трансформации, приводящим в движение глубинные пласты психики.

Повторяя шактистские мантры, я мысленно следовал за потоком энергии, проходящей через меня, и постепенно приближался к ее источнику. Пространство наполнилось знаками, и сама материя словно обрела особую пластичность, мгновенно отзываясь на течение моих мыслей. Великая Иллюзия раскрылась в моем сознании во всей своей полноте. Я чувствовал ее присутствие везде, и во всем находил ее незримое влияние. За всеми событиями своей жизни я начал видеть образ Богини, которая исчезала, как только ее касался луч моего внимания. Это напоминало неудачную любовную игру, когда очарование женщины пропадает раньше, чем начинаются близкие отношения. Такая участь наступала меня снова и снова.

Я постиг, что Вселенная имеет женскую сущность и форма ее активности – это бесконечное перевоплощение, энергетическая трансформация, называемая в индуизме «йогамайя». По-женски игриво и загадочно она приоткрывала передо мной покровы реальности, обнажая ее подлинную сущность. Благодаря ее магическому влиянию на ход событий происходит чудо творения. Но сама по себе, эта магия выступает манифестацией Великой Иллюзии, и любое ее проявление можно принять за каприз всемогущей Махадеви. Мы можем с восхищением следить за ее игрой и очаровываться

ею, но одновременно с этим следует сохранять память о ее иллюзорной природе.

В шастрах написано: «если вы хотите постичь майю, то постигайте ее через женщину». А качество отношений с женщиной определяется способностью проявлять к ней любовные чувства. Я мог бы познавать иллюзию через любовные игры с противоположным полом, но из-за отсутствия регулярной практики мне приходилось выбирать другие пути. Сложно сказать, был ли это в действительности мой личный выбор или он был сделан за меня свыше – в любом случае он определенным образом повлиял на мои отношения с божественным началом. Раскрываясь в моем сознании через различные архетипы женской природы, оно естественным образом вызывало влечение к их источнику, находящемуся за пределами двойственности.

Мне не оставалось иного выбора, кроме как принять и полюбить Великую Иллюзию – Махамайю. Она уже не служила препятствием к познанию Истины, она была ее неотделимой частью – Махавидьей. Я наблюдал, как по воле неведомого режиссера разворачивается грандиозный сценарий, все персонажи которого вовлечены в Божественную Игру. То, что открылось мне через действующих лиц этой игры, прояснило мою собственную роль и характер отношений с Вселенной. Выполняя внешние ритуальные действия, я осознал, что Майя находится внутри меня, она – порождение моего ума и источник происходящих со мной событий. Сознание

способно порождать самые разнообразные формы иллюзорной реальности. А все события и персонажи моего мира – это части моей сущности, скрытые завесой йогамайи.

На своем пути я встречал людей, движимых силой Майи и отмечал, как тонко она овладевает умами и душами. Один из таких людей стал посетителем моего воображаемого ашрама и собеседником, с которым мы коротали тоскливые деревенские вечера. Он принадлежал к числу «черных копателей», которых время от времени притягивал рязанский курган. В деревне при их появлении запирались на засовы, как во времена фашистской оккупации. Отличительной чертой этих людей были солярные знаки на одежде, показывающие их принадлежность к «гиперборейской солнечной династии». Сами себя они называли «ведическими ариями», но для жителей рязанской глубинки их внешний вид вызывал единственную ассоциацию, и она не внушала к ним доверия.

Для меня, как не сложно догадаться, «арийские копатели» стали живой иллюстрацией к исследованиям и вызвали активный интерес. Встреченного мной копателя звали Ведослав, его появление совпало с окончанием моего медитативного ретрита, и тем самым эта встреча стала знаковой для нас обоих. Он поведал мне о существовании древнего арийского святилища на месте кургана, а во мне распознал отшельника-садху, из числа тех, которые ведут уединенный образ жизни в святых местах. Вместе с группой единомышленников он проложил паломнический маршрут по следам Ане-

нербе и уже успел посетить Храм Солнца около Ласпи и знаменитые дольмены под Геленджиком. Теперь ему предстояло найти наследие древних ариев в Волго-Окской археологической зоне.

Ведослав считал себя носителем славяноарийского ведического знания и копанье в земле доставляло ему не меньшее удовольствие, чем раскопки в сфере вымышленного исторического прошлого. Его картина мира была построена на незыблемых столпах Атлантиды и Гипербореи, и корнями уходила в неземные цивилизации. Основанные на этих источниках знания Ведослав использовал для толкования событий, которые следовало бы отнести к области альтернативной истории, но исторические факты были для него не столь важны, как некая сакральная идея, связывающая воедино его рассуждения. В ней явственно ощущалось присутствие Майя-Шакти, способной наполнить собой любую образную и концептуальную форму, независимо от истинности ее содержания.

Этот ментальный процесс, свидетелем которого я поневоле являлся, я обозначил про себя понятием «духовной археологии». Занятия духовной археологией оказались близки мне по духу, так как я также жаждал докопаться до истины, хотя и воспринимал ее в несколько ином ключе, чем мой собеседник. Для меня это было подобно погружению в колодезь души, на дне которого мерцали отблески скрытых ресурсов – драгоценностей внутреннего опыта. Среди археологических

перлов Ведослава изредка встречались интересные находки, вызывающие во мне желание углубиться в тематику. Одной из них оказалась тема легендарной Артании, перекликающаяся с трипольской культурой, открытие которой в свое время породило множество исторических гипотез.

Загадка трипольской археологической культуры, сохранившейся со времен энеолита в Дунайско-Днепровском междуречье, привлекала многих исследователей. Археологические раскопки обнаружили близкое сходство в мифологических сюжетах и иконографии Триполья с сакральными образами индуизма. В изображениях на трипольских монументах отчетливо просматриваются божества Ригведы – праматерь Адити, Индра, Агни и Сурья. Сохранились образцы трипольской керамики, оформленные свастическими крестами и символами, напоминающими индуистские янтры и мандалы. Эти уникальные совпадения послужили поводом для дальнейшего поиска историко-культурных связей древних цивилизаций.

Любители альтернативной истории окрестили Триполье именем Аратты – города-государства, описанного шумерскими летописцами и упомянутого в индийской Махабхарате. Появилась гипотеза, что переселение ариев в Индию во 2м тысячелетии до н.э. началось оттуда, из Черноморско-Аральских степей. Именно оттуда, по мнению Ведослава, ведические арии экспортировали свою культуру и мифологию, впоследствии став высшей индийской кастой. Са-

мо понятие «Бхарата» или «Бхарата-Варша» – земля Бхараты, в прежние времена служившее автохтонным названием индийской цивилизации, также получило происхождение от Аратты, как и «Арта» иранцев и «Арсания» арабов.

По ходу повествования мой собеседник углублялся во все более отдаленные пласты мифотворчества. Выводы мне приходилось делать самому. Вышеупомянутую область я обозначил как духовный центр, где произошло рождение сакрального мифа, и откуда он распространился по всей Ойкумене. Сакральный миф соединяет нас с божественным началом, поэтому его передачу можно приравнять к символическому паломничеству, которому сопутствует благословение высших сил. Мне не оставалось ничего другого, как следовать за мыслью «копателя» и проникаться его энтузиазмом, дополняя мифологическую карту собственными историко-этнографическими познаниями. Из трипольской Аратты мы перенеслись в Артанию – преемницу арийской традиции, расположившуюся на рязанской земле, где произошла наша встреча.

Здесь, вслед за служителями Третьего Рейха, среди рязано-окских могильников, он грезил найти свою Арьяварту – страну благородных ариев. Лейтмотивом этого мифотворчества, связанного с поиском духовной родины, оказался арийский свастический знак – «ярга». За время раскопок в районе Муромы и Старой Рязани, соратникам Ведослава удалось собрать коллекцию артефактов, помеченных этим знаком.

Данная коллекция послужила доказательством существования ведической империи, упоминавшейся в летописях под именем Артании – высокоразвитого индоевропейского государства, воздвигшего богатые городища на земле диких финно-угорских племен. А рязанский край приобрел статус центра арийской культуры и древнерусской ведической традиции.

Историко-археологические исследования подтверждают – народ, создавший культуру рязано-окских могильников, был воинским, подобно ариям, и пришел в эти места издалека. Однако в исторической ретроспективе существовала эта культура недолго и была отдалена во времени от периода индоарийских миграций минимум на два тысячелетия. Игнорировать исторические факты сложно, но стоит отметить, что помимо них также имеет место мифологический пласт истории, уходящий в глубины народной памяти. В действительности именно он привлек внимание Аненербе к рязанскому краю.

Древние арии оставили здесь после себя клады и захоронения, наполненные боевой амуницией, среди которой, если верить старинным преданиям, находились предметы, наделенные магическими свойствами. Оккультная история Третьего Рейха связана с поиском технологий мирового господства, к числу которых были отнесены мифологические артефакты – молот Тора, копьё Вотана, кельтская чаша Грааля и воздушные корабли «виманы» из древнеиндийско-

го эпоса. Не остались без внимания и «предметы силы» русских народных сказок, которых там фигурирует немало – скатерть-самобранка, ковер-самолет, меч-кладенец, шапка-невидимка и прочие.

В сказаниях земли Рязанской особое место занимает легенда об Агриковом мече. Это волшебное оружие из Повести о Петре и Февронии, получившее название по имени Агрика, сына царя Иудейского, также упоминается в сказочных и былинных сюжетах как «меч-кладенец». Характерным признаком этого меча, способного наделить своего владельца сверхъестественной силой, является мотив его нахождения в кладе или погребении. Рязанская летопись дает по этому поводу определенный ориентир – что хранится он «в насыпном холме под отрубленной головой».

По версии Аненербе, данный артефакт имел отношение к мистическому наследию Арьяварты, в поисках которого они снарядили рязанскую экспедицию в самый разгар боевых действий. Неизвестно, была ли в их распоряжении информация о его местонахождении, но согласно директиве, поступившей в декабре 1941го, были прекращены обстрелы многокилометровой зоны между Рязанью и Муромом. Именно там по легенде был спрятан Агриков меч, обращающий в бегство целые армии и, видимо, именно он, по мнению Гитлера, должен был сыграть решающую роль при взятии Москвы.

Было ли заблуждением со стороны нацистов понимать

буквально сказочный образ или мистическая сила была воплощена для них в его символическом значении, как в случае со свастикой и гиперборейским крестом? Для меня было очевидно одно – этот меч выступает символом радикальной трансформации, способным изменить ход истории, и в моем мифологическом сценарии вероятно является заветной целью героических походов. Ожидая своего часа под курганом внутреннего опыта, он был призван ознаменовать финал мифологического путешествия, в направлении которого я двигался, ведомый знаками, открывшимися мне в былинах и пуранах.

Меня не покидало чувство, что этот символ – ключ, который позволит отворить последнюю дверь тридевятого царства. Во время медитации на кургане я наблюдал голубоватое свечение, которое по легенде распространял вокруг себя меч-кладенец. Казалось, что этот свет прорывается откуда-то из недр бессознательного, на которое символически указывала отрубленная голова, и я напряженно всматривался в пустоту за пределами ума. Но сокровище, спрятанное там, оставалось недостижимым. Не помогли найти разгадку и литературные источники. Требовалась подсказка со стороны, ей мог бы стать совет человека, знакомого с моей личной историей, совет друга, наставника, гуру.

Я мысленно обращался к Васудеве и Шанкаре, утверждаясь в готовности покинуть свое уединенное пристанище и нанести им визит. Вслед за ними в памяти появился образ

Льва Эдуардовича, моего научного руководителя, который фактически стоял у истоков моего интеллектуального и духовного становления. Пожалуй, лишь благодаря ему мне удалось укорениться в позиции наблюдателя, хотя теперь мои наблюдения не ограничивались рамками научной парадигмы – через меня на мир смотрело космическое сознание, свободное от догм и идеологий. Быть может в этом и заключается главное правило мифологического путешествия – пройти его, избежав ловушек саморефлексии, не отождествляя себя ни с одной из встреченных сил или образов.

Несколько дней спустя, оставив свою «Мукти Кшетру» с ее воображаемым ашрамом, я оказался у двери кабинета Льва Самохвалова. Он словно уже подждал меня там и, лишь слегка приподняв брови, указал на кресло рядом с массивным рабочим столом. Мое повествование было кратким и содержательным, несмотря на то, что описанных мной событий могло бы хватить на небольшое литературное произведение. Очевидно, сказался опыт подготовки научных докладов, и окружающая обстановка к этому располагала. Лев Эдуардович внимательно слушал, почесывая окладистую бороду и, дождавшись окончания, произнес раскатистым басом:

– Коллега, вы слишком увлеклись копанием в прошлом. Что оно может породить в вашем уме, кроме сомнений? Пора, наконец, разрубить их корень до основания и развеять окутавший вас туман мистицизма. Мистический опыт – это

лишь состояние сознания, в котором мир может видеться иллюзорным или наполненным смыслом. Индийский мистицизм служит этому подходящим примером – истина в нем неотличима от иллюзии. Посмотрите на религию индусов – яркая и многогранная, как витраж калейдоскопа, она создает видимость универсального разнообразия, но ограничивает сферу познания собственной мифологической системой.

Достаточно присмотреться, чтобы увидеть, как ее мифы борются за место под солнцем, превозносят своих героев, стремятся захватить власть над сознанием людей. В нашей воле принять любые формы мифологий, более того, мы сами являемся творцами собственных мифов, демиургами жизненных миров... Лев Эдуардович окинул меня взглядом и неожиданно произнес: – А не пора ли вам отправиться в Индию, друг мой? Вижу, теперь вы готовы, определенно, теперь вы готовы...